

Глава 8

Готы, скифы, славяне: этнические культбиты крымской археологии послевоенной эпохи

Резюме. Работа основана на неопубликованных материалах, хранящихся в научном архиве Института археологии Крыма РАН. В ней рассматривается развитие археологической мысли в Крыму в послевоенный период на фоне роста патриотических настроений в обществе и идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом и марризмом в науке. Наибольшее значение приобрели «готский» и «славянский» вопросы. Базовым принципом исследований в области археологии в этот период являлся автохтонизм, обусловленный идеями Н. Я. Марра. Средневековые памятники крымских готов (культуру Суук-Су) было предложено атрибутировать как аланские. Предприняты попытки доказательства преемствен-

ности культуры крымских скифов и славян. П. Н. Шульцу и его сподвижникам в 1947 г. удалось сформировать первую академическую археологическую организацию в Крыму. Квинтэссенцией исследований тех лет стала первая часть книги П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма» (Симферополь 1951). Однако осуждение идей Н. Я. Марра И. В. Сталиным в 1950 г. привело к крушению автохтонных теорий в этногенезе. Переломным моментом стала Сессия по истории Крыма 1952 г., решения которой в значительной степени оказывали влияние на археологическую мысль в Крыму вплоть до 1990-х гг. **Ключевые слова:** Крым, скифы, славяне, готы, П. Н. Шульц, Е. В. Веймарн, П. Н. Надинский, В. П. Бабенчиков, сессия 1952 г.

Введение

12 мая 1944 г. Крымская АССР была полностью освобождена от фашистских войск. Советские войска стремительно продвигались на запад. В годы оккупации часть крымско-татарского населения открыто проявила коллаборационистские настроения по отношению к германским властям в надежде получения преференций и национальной автономии. Имели место репрессии против мирного славянского населения и партизанских отрядов (Романько 2009). В условиях продолжавшейся войны постановлением Государственного комитета обороны СССР № 5859сс от 11 мая 1944 г. было принято непростое решение о переселении крымских татар в иные регионы страны. Репрессии подвергались как лица, сотрудничавшие с оккупантами, так и в целом лояльно настроенное мирное население. Несколько позднее ту же участь разделили менее многочисленные общины болгар, греков и армян. Потомки немецких колонистов были высланы с полуострова еще в самом начале Великой Отечественной войны.

После выселения крымских татар для восстановления и развития экономики полуострова сюда прибыло значительное число выходцев из разоренных войной районов СССР, пополнившееся за счет демобилизованных бойцов Красной

Армии. Этническая ситуация изменилась довольно существенно. Неоднозначно в обществе оценивалось прошлое Крыма. Закономерный негатив проявился к наследию крымских татар: наряду с пособничеством оккупантам им припомнили многочисленные набеги на славянские земли, работорговлю.

«Готский вопрос» в период немецко-фашистской оккупации Крыма

Еще более одиозным выглядел «готский вопрос» (Yurochkin 2014). Уже до начала войны проблема тысячелетнего пребывания на Крымском полуострове германцев-готов интересовала националистические круги Германии как показатель «исторического права» на полуостров. В СССР попытка политической нейтрализации проблемы выразилась в создании автохтонно-стадиальной концепции В. И. Равдоникаса (Юрочкин 2017: 297–311). Она была основана на постулатах учения Н. Я. Марра и предлагала считать крымских готов не конкретным историческим народом, а лишь стадией (феодальной) в истории сугубо местного населения, непрерывно развивавшегося с киммерийской эпохи (Равдоникас 1932). Однако не принятое в Западной Европе учение Н. Я. Марра о языке никак не повлияло на позицию относительно готской проблемы. Вместе с тем «готский вопрос» в СССР уже перед войной приобрел негативную политическую окраску. Одним из пунктов обвинений, выдвинутых против заместителя директора Центрального музея Крымской АССР Николая Львовича Эрнста (1889–1956), было упоминание им «Великого готского царства» в Крыму в комментариях к переводу трактата И. Тунманна (Тунманн 1936: 77, 86). В 1938 г. Н. Л. Эрнст был обвинен в шпионской деятельности в пользу Германии и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей (Непомнящий 2012: 324–348).

После оккупации Крыма представители военной и гражданской администрации и националистически настроенные немецкие ученые неоднократно поднимали «готский вопрос», прежде всего в пропагандистских целях. К ним присоединились и некоторые отечественные авторы из числа коллаборационистов. В частности, сотрудник Керченского музея А. А. Шевелев в газете «Голос Крыма», издававшейся Симферопольским городским управлением и контролируемой Министерством пропаганды Германии, поместил статью «Готское государство в Крыму» (Шевелев 1942). Он же выдал немцам место хранения части коллекции Керченского музея, которую не удалось эвакуировать на материк, за что был назначен директором музея (Быковская 2001: 114; Андросов 2004: 174; Шестаков 2013: 222).

Начальник гражданской администрации Генерального округа Крым Альфред Эдуард Фрауэнфельд (1898–1977), писатель и театрал, живо интересовавшийся культурой и историей, сразу после захвата г. Севастополя организовал осмотр руин Мангупа. В группу, поднявшуюся 14 июля 1942 г. на плато горы, входили: начальник СС и полиции в Тавриде бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции Людольф фон Альвенслебен-Шохвитц (1901–1970), полковник медицинской службы профессор Генрих Отто Кальк (1895–1973) и капитан ВВС, в прошлом известный немецкий писатель Вернер Боймельбург (1899–1963). Результатом стал отчет-записка «Готы в Крыму», составленный В. Боймельбургом. В ней автор критиковал советских ученых, принципиально отрицавших

пребывание готов-германцев в средневековом Крыму и пытавшихся представить их как конгломерат из разных аборигенных народов негерманского происхождения: аланов, гуннов, аваров и сарматов. В качестве аргумента против такой позиции он приводил широко известные письменные свидетельства Средневековья. В записке резиденцией готских правителей назван Мангуп, в архитектуре которого якобы усматривались черты, присущие культуре готов Европы. Утверждалось, что татарское завоевание полуострова в XIII в. не коснулось готов, а татары «глубоко уважали их как высокоразвитое племя». Документ заканчивался выводами идеолого-политического характера. По мнению составителя, «русский период был для готов временем систематического истребления этой народности... советскому режиму оставалось только пытаться скрыть или фальсифицировать историю всей готской культуры в Крыму». Отсюда следовало, что с приходом германских войск для немцев в Крыму начинается новая эпоха. Признавалась необходимость исследований памятников древних германцев на полуострове и, в частности, городища на г. Мангуп (Романько 2009: 19, 25; Аморт 1966: 182, 183; Кизилов 2015: 247, 248).

А. Фрауэнфельд в 1942 г. издал брошюру «Крым» (Frauenfeld 1942), в которой готам посвятил особый раздел, знакомивший немецких читателей с многочисленными письменными свидетельствами, почерпнутыми из научных трудов пангерманиста, австрийского чеха В. Томашека (Tomaschek 1881) и историка еврейского происхождения Р. Лева (Loewe 1896; 1901; 1902/1903). О национальности последнего Фрауэнфельд, вероятно, и не подозревал, как и о том, что хорошо сохранившиеся и «ждущие исследования» кладбища Мангупа «с тысячами надгробных камней» оставлены отнюдь не готами, а принадлежат иудеям-караимам. Называя готов народом «окутанным романтикой и волшебством тайн», гражданский глава Крыма заключал: «Часть германского национального племени, весьма родственного нам, немцам, и говорящего практически на том же языке, что и мы... как минимум 1200 лет в большей своей части удерживала государственную независимость» и призывал ученых к проведению археологических исследований на обоих берегах Керченского пролива, на Южном побережье Крыма и в районе «пещерных городов», а также антропологических и расовых исследований среди мариупольских греков и крымских татар с целью выявления и последующего селекционирования готского расового типа (Кизилов 2015: 242–245, 286).

В предисловии к иллюстрированному сборнику «Wir kämpfen auf der Krim», приуроченному к полной оккупации полуострова, подчеркивалась ведущая роль готов в истории Таврики с IV в. до 1778 г. Эски-Кермен и Мангуп именовались «неприступными твердынями готских переселенцев», а в качестве иллюстраций приводились изделия «готского типа» из Крыма, хранящиеся в музеях Германии (Wir kämpfen auf der Krim 1941/1942: 9, 16, 17).

На фоне интереса к крымским готам в Германии даже возникла конкуренция между «Оперативным штабом А. Розенберга», контролировавшим культурные ценности на оккупированной территории, и квазиученой организацией «Ане-нербе» (Леус 2008: 220–221; Васильченко 2008; Кашеварова 2014; Бойцов, Васильева 1998; Зинич 1999).

Последователь Г. Косинны, профессор Рудольф Штампфус (1904–1978), уполномоченный «штабом Розенберга» для сохранения и изучения археологических объектов Рейхскомиссариата «Украина» (куда входил и оккупированный Крым), выпустил статью о древностях германцев в Восточной Европе. В своей

работе немецкий ученый рассматривал различные группы памятников, которые, по его мнению, были связаны с древними германцами, начиная с «полей погребений» (зарубинецкого и черняховского типов) и заканчивая раннесредневековыми артефактами из района Госпитальной улицы в Керчи, могильником Суук-Су и руинами Мангупа-Феодоро. К числу готских древностей он также причислил пальчатые и зооморфные двухпластинчатые застезки, позднее получившие название фибул «днепровского типа» (Stampfuß 1942). Посетил он и Крым, осмотрев руины Мангупа и Эски-Кермена, а сотрудники «штаба Розенберга» составили опись готских памятников полуострова. На некоторых из них даже установили таблички, подтверждающие право их ведомства на планируемые раскопки (Кизилов 2015: 253).

В условиях оккупации, дабы предотвратить бесконтрольное разграбление крымских музеев и вывоз культурных ценностей, некоторые сотрудники были вынуждены идти на сотрудничество со «штабом Розенберга» (Щеколдин, 2009: 45). Среди них Александр Иванович Полканов (1884–1971), возглавивший Центральный музей Крыма, и Александр Кузьмич Тахтай (1890–1963), назначенный директором Херсонесского музея (Зубарь 2009: 57; Граб, Супруненко 1991: 35–39).

Стремился не отставать и Институт «Аненербе». Летом 1942 г. под руководством штурмбанфюрера СС, профессора Герберта Янкуна (1905–1990) и при участии доктора Карла Керстена (1908–1992) была сформирована археологическая группа для исследований Крыма и Кавказа и особая команда (входившая в состав дивизии СС «Викинг») по отбору материалов из коллекций советских музеев, имевших отношение к германской культуре. Предполагаемые работы в условиях войны и оккупации имели не столько научное, сколько идеологическое значение (Ейкхоф 2010: 111; Васильченко 2008: 162–165; Кизилов 2015: 250–252). На исходе лета 1942 г. для осмотра предполагаемых к исследованию готских древностей в Крым прибыл К. Керстен. Это стало тем более актуально, что в скором времени предполагался визит в Крым Г. Гимmlера, для которого было необходимо разработать соответствующий экскурсионный маршрут. К. Керстен просмотрел доступную ему литературу в Центральном музее Крыма. Затем, переехавшись в Бахчисарай, он посетил «пещерные города»: Баклу, Инкерман, Чуфут-Кале и Тепе-Кермен, предложив последний в качестве первого объекта исследований. Мангуп же посетить не удалось ввиду угрозы действий со стороны партизан. Они же, собственно, сорвали и планы Г. Гимmlера, прибывшего в Крым в конце октября 1942 г. Рейхсфюреру удалось лишь побывать в Бахчисарайском музее, осмотреть хранящиеся там эпиграфические памятники с Мангупа и захватить по дороге в Севастополь на руины Инкерманской крепости (Кизилов 2015: 250–252). Дабы закрепиться на полуострове, в октябре 1942 г. Г. Янкун предложил открыть в Симферополе местный отдел «Аненербе», а в начале следующего года К. Керстен должен был начать подготовку к съемкам документального фильма о крымских готах. Вряд ли намерения «Аненербе» по археологическому изучению готских древностей Крыма могли быть одобрены в Оперативном штабе А. Розенберга. Его шеф изначально отрицательно относился к «наследию предков» и поэтому сделал все возможное, чтобы данная оккультно-квазинаучная организация не развернула свою деятельность в подведомственной ему Тавриде (Васильченко 2008: 19, 24, 164). В итоге изучение крымских готов в оккупированном Крыму так и осталось на стадии прожекта. Но пропагандистская шумиха, возникшая вокруг германских древностей полуострова, самым негативным образом сказалась на отношении к «готскому вопросу» в СССР (Юрочкин 2017: 335–344).

В начале славных дел: Тавро-скифская экспедиция и славянский фактор

После освобождения Крыма и победы в Великой Отечественной войне политический момент требовал переосмысления местной истории, выявления в ней особого «славянского фактора» — реального или мнимого. Как часто бывает на перекрестках эпох, история и политика слились воедино. В значительной степени это было ответной реакцией на искусственную политическую актуализацию «готского вопроса» в период оккупации.

Надо учитывать, что в советской исторической науке того периода появление древних славян на полуострове нельзя было представлять результатом обычных миграций. Ведь с 1930-х годов в гуманитарной сфере фактически безраздельно господствовало «учение Марра», апеллировавшее к автохтонности населения, а «миграционная теория» была приравнена к фашизму и расизму и исключена из методологического арсенала ученых. С другой стороны, проблема крымских готов, до крайности политизированная оккупантами, требовала своего разрешения. Вслед за победоносной Красной Армией в борьбу с германским фашизмом предстояло включиться «бойцам идеологического фронта» — историкам. Таким образом, в послевоенном Крыму им следовало решить две проблемы: доказать исконность славянства на полуострове и окончательно закрыть «готский вопрос».

Конечно, «стадиальная теория» развития народов Крыма, предложенная в начале 1930-х гг. В. И. Равдоникасом и завершавшаяся «готской стадией» (Равдоникас 1932: 85–98), уже не могла использоваться в прежнем виде. К тому же еще в 1937 г. в отношении крымских готов она была раскритикована как «упрощенческая» самим автором концепции (Равдоникас 1937).

Но в действительности первоначально стадия рассматривалась не как «готская», а как «сармато-готская», соответствующая «феодалному слою» Керчи (некрополь Госпитальной улицы) и Эски-Кермена (Равдоникас 1932: 86–87). Если отбросить вторую часть ее названия, то ключевым пунктом в формировании населения средневекового Крыма становятся автохтоны — «сарматы». Но «сарматскому» периоду предшествовала более ранняя стадия — «тавро-скифская». Конечно, во всех случаях речь шла не столько о реальных этнических группах и народах (*a priori* автохтонных), сколько об условных элементах историко-археологической периодизации. В таком модернизированном виде «стадиальная теория», хотя и не официально, уже могла применяться для реконструкции крымской истории. Правда, пока в ней не было важнейшей стадии — славянской.

Представления о скифо-славянском родстве сложились еще в историографии XIX в. и достаточно прочно укоренились в обыденном сознании жителей России, включая творческую интеллигенцию. В принципе это явление одного порядка с польским «сарматизмом», шведским «готицизмом», казацким «хазаризмом» и т. д., обусловленными желанием обрести в истории могучего и знатного предка, «подчинить» его историю. Истоки этого феномена, надо думать, лежат в глубинах общественной психологии.

«Скифская», а точнее «скифо-сарматская» концепция происхождения славянства восходит еще к позднесредневековой книжности (Первольф 1874). При этом она скорее декларировалась, нежели доказывалась. Однако именно она приобрела популярность в русском просвещенном обществе XIX — начала XX в.

Возможно, сказался авторитет М. В. Ломоносова (Ломоносов 1766: 10, 14, 17, 35–39). Между тем, в основе его концепции лежала отнюдь не автохтонная, а миграционная теория. Иная трактовка скифо-славянских связей вытекала из «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Он полагал, что славянство имело широкую, разноязычную этническую подоснову, а языки скифского (сколотского) мира стали одной из важнейших слагаемых стадияльно более высоких славянских языков (Марр 1935: 11). Н. Я. Марр называл славянский язык «потомком скифского и сарматского», принадлежавших, по его мнению, к «яфетической группе». Благодаря им, отмечал ученый, на юго-востоке Европы «происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские...» (Марр 1933: 132). Скифы обитали как в Крыму, так и на Южнорусской равнине (в Поднепровье), где раннесредневековые авторы впоследствии фиксировали славянские племена антов. Исходя из логики «учения Марра», стадияльные процессы, протекавшие в Поднепровье и якобы способствовавшие трансформации скифов в славян-антов, могли иметь место и на Таврическом полуострове. То есть славяне могли начать формироваться параллельно в этих двух регионах. Вновь актуализировалась сложнейшая и разноплановая проблема «Приазовской Руси», в частности «роксоланский автохтонизм» Д. И. Иловайского (Гадло 2004: 29–66).

Один из ведущих советских специалистов по «славянскому вопросу» — Петр Николаевич Третьяков (1909–1976), также в эти годы находившийся в рамках «марровского автохтонизма», рассматривал скифов как вероятных участников формирования восточнославянского этноса, правда, ограничивая область формирования Приднепровьем, исключая Крым (Третьяков 1948: 31–37).

Следует отметить, что актуальность археологического изучения скифских древностей, подготовивших почву «для пересмотра вопроса огромной важности — о славянстве, в частности о восточной его ветви, об образовании в Восточной Европе обширного русского государства», отмечалось на Всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве незадолго до окончания войны. Среди участников Совещания был и П. Н. Шульц, после ренания переехавший из Ленинграда в столицу. Теоретической основой для археологических поисков предков славян академик Б. Д. Греков называл этногенетическую схему, намеченную академиком Н. Я. Марром, благодаря которой были «вскрыты глубочайшие местные корни восточного славянства, восходящие к племенам трипольской культуры и степной бронзы, скифам и, наконец, к эпохе полей погребений» (Альтман 1945: 89, 90). Правда, речь шла не о скифах в целом, а об исключительно земледельческих племенах Среднего Поднепровья скифского периода. Крымское направление поиска тогда серьезно не рассматривалось. По утверждению П. Н. Шульца, готовившего совместно с Б. Н. Граковым доклад о Каменском скифском городище на Нижнем Днепре, на этом совещании и возникла идея создания Тавро-Скифской экспедиции (ТСЭ) в Крыму для исследований столицы позднейшей Скифии (Шульц, Головкина 1951: 150).

Не следует думать, что поиск славян в Крыму, по крайней мере, на первом этапе, определялся какими-то внешними резолюциями или постановлениями. Как и в случае с «антиготской» стадияльной схемой В. И. Равдоникаса, ситуация представляется более многогранной (Юрочкин 2017: 310). Однако с течением времени крымско-славянская тема стала своего рода тестом на патриотизм.

Еще в конце войны на освобожденных территориях началось активное восстановление народного хозяйства, активизировалась научная деятельность,

включая и гуманитарные направления. В предвоенный период археологическая наука в Крыму развивалась в основном на базе Херсонесского и Керченского музеев, как за счет местных специалистов, так и за счет экспедиций из Ленинграда и Москвы. Изучались преимущественно объекты античного и византийского периода (Шульц 1950). Варварское население полуострова фактически не было ими затронуто. В 1920–1930-х гг. этот пробел в известной степени заполняли работы главного хранителя Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнста. Они носили преимущественно разведочный и охранно-спасательный характер. Однако именно ему принадлежит приоритет в актуализации крымско-скифской проблематики (Шульц 2004: 23–27).

В 1933–1934 гг. П. Н. Шульц, работавший в это время в ГАИМК, провел обследование западного и северо-западного побережья Крыма, где наряду с остатками античных поселений обнаружил ряд скифских (Шульц 1937; 1940б; 1941; Ланцов 2004; Смекалова 2010; Ланцов, Шапцев 2015). Во время пребывания на полуострове ленинградский ученый неоднократно осматривал городище Неаполя Скифского и даже представил в ГАИМК докладную записку с программой археологических исследований памятника и других скифских городищ Крыма (Шульц 2004: 27), но тогда план реализовать не удалось. В последующие годы П. Н. Шульц сконцентрировал свою деятельность на факультете истории и теории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА) — наследника традиций дореволюционной Академии художеств. Основное время занимала преподавательская работа и заведование Кабинетом истории искусства. Полевую практику пришлось оставить (Щеглов 1984: 285; Махнева 2004, 241–242).

После увольнения в 1937 г. Н. Л. Эрнста из Центрального музея Крымской АССР и последовавшего затем ареста археологические исследования в Симферополе были свернуты. После освобождения Симферополя должность главного хранителя Центрального краеведческого музея Крыма занял Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974). Еще в 1920-х гг. он совместно с братом Павлом Петровичем Бабенчиковым (1882–1947) проводил археологические исследования в Крыму. Он стоял у истоков создания Севастопольского музея краеведения. К числу воспитанников братьев Бабенчиковых принадлежали Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий и А. Н. Бернштам (Акимченков 2012: 25, 32). Братья Бабенчиковы были участниками Эски-Керменской экспедиции ЦГРМ и ГАИМК, научным вдохновителем которой все годы оставался Н. И. Репников (Айбабин 1991: 43; Харитонов 2004: 105–106). П. П. Бабенчиков был репрессирован по так называемому «академическому делу» в связи с неудачной попыткой наладить сотрудничество с немецкими историками (Перченко 1995: 220; Юрочкин 2017: 285–287). В. П. Бабенчиков в тот момент был единственным в Симферополе, кто имел опыт археологических исследований. Одним из научно-образовательных центров Симферополя являлся в те годы Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе, но научные интересы сотрудников его исторического факультета были по большей части далеки от археологии.

После переезда в Москву П. Н. Шульц некоторое время исполнял обязанности ученого секретаря ИИМК им. Н. Я. Марра, администрация которого переместилась из Ленинграда в столицу, заведовал античным сектором ГМИИ. В начале 1945 г. П. Н. Шульц решил вернуться к не реализованной ранее программе изучения скифских древностей Крыма, предложив руководству ГМИИ организовать экспедицию для сбора археологических материалов для музейной

экспозиции. Инициатива была поддержана и в ИИМК. Экспедиция получила название «Тавро-Скифской». Вероятно, еще до прибытия в Симферополь в качестве начальника экспедиции П. Н. Шульц наладил контакт с Центральным краеведческим музеем Крыма в лице его главного хранителя В. П. Бабенчикова.

Владимир Петрович Бабенчиков. 1947 г. (НА ИАК РАН)

Историю и содержание работ первого года исследований, впечатления от послевоенного Крыма отражает документ: «“Дневник Тавро-скифской археологической экспедиции Госуд. Музея Изобразительных Искусств им. Пушкина и Инст. Ист. Материальной Культуры им. Марра АН СССР, проводимой совместно с Центральным краеведческим музеем Крыма”, составленный собственноручно П. Н. Шульцем. 13.08–24.10.1945» (далее — Дневник), хранящийся в еще не полностью обработанном личном архиве П. Н. Шульца в Институте археологии Крыма РАН в Симферополе.

16 августа 1945 г. московский поезд доставил участников экспедиции в Симферополь. В ее состав официально входили: начальник экспедиции П. Н. Шульц (зав. античным отделом ГМИИ, ст. научный сотрудник ИИМК АН СССР); зам. начальника по административно-хозяйственной части Е. А. Болотникова (редактор ГМИИ); начальник Никопольского отряда Б. Н. Граков (зав. сектором вспомогательных дисциплин ИИМК, профессор МГУ); начальник Симферопольского отряда А. Н. Карасев (научный сотрудник ЛО ИИМК); ст. научный сотрудник В. П. Бабенчиков (ст. научный сотрудник Центрального музея Крыма); ст. научный сотрудник Н. Н. Погребова (ст. научный сотрудник ГМИИ, аспирант ИИМК); научный сотрудник О. В. Милорадович (научный сотрудник ИИМК); фотограф П. Н. Рябов (зав. фотолабораторией Института неврологии Академии медицинских наук); научный сотрудник В. Б. Гиршберг (научный сотрудник ГИМ); художник О. И. Домбровский (дипломник Всесоюзной Академии художеств) (Дневник. Л. 2; Зайцев 2015: 5).

Среди членов экспедиции, уже имевших практический опыт научно-исследовательских и полевых работ, выделяется фигура коренного крымчанина Олега Ивановича Домбровского (1914–1994). Перед войной он проходил обучение на факультете истории и теории искусств ЛИЖСА и в мастерской монументально-декоративной живописи, где, вероятно, и познакомился с П. Н. Шульцем. О. И. Домбровский прошел всю войну, несколько раз был ранен. Лишь в самом конце войны он был демобилизован и вернулся в Ленинград с намерением завершить обучение (Домбровский и др. 1975: 100–102; Кутайсов 2014: 17; Домбровский 2014: 35; Художники на фронте 2014). Приглашение П. Н. Шульца принять участие в 1945 г. в Тавро-Скифской экспедиции коренным образом изменило судьбу ленинградского студента-художника. С тех пор вся его жизнь была неразрывно связана с крымской археологией.

Судя по дневниковым записям, Б. Н. Граков не принял участия в экспедиции 1945 г., а А. Н. Карасев прибыл только в конце работ. В помощь ТСЭ из числа сотрудников Центрального краеведческого музея Крыма, помимо В. П. Бабенчикова, были выделены: Т. Я. Кобец, зав. отделом истории музея, и И. Т. Глобенко, реставратор и препаратор музея, ученый-консультант по костному материалу (Дневник, Л. 6). Участие в работе экспедиции приняла также Е. И. Леви.

П. Н. Шульц рассматривал работу ТСЭ не только как повод вернуться к полевой практической деятельности в области скифской археологии. Он планировал продолжить свою работу на полуострове и в дальнейшем. Уже на следующий день по прибытии он вместе с представителями ЦМК обсудил с секретарем Крымского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде Прокопием Алексеевичем Чурсиным (1902–1950) вопрос о взаимодействии с ЦМК в создании впоследствии археологической станции АН СССР в Симферополе (Дневник, Л. 7). Эти планы и контакты касались, прежде всего, научно-организационной деятельности. Какие-либо особые планы относительно изучения вопросов этнической истории Крыма еще не ставились.

Симферопольская газета «Красный Крым» со слов П. Н. Шульца писала: «Основной задачей экспедиции является исследование вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства. Экспедиция также исследует вопрос о взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров с одной стороны, и греков с другой» (Красный Крым 1945).

19 августа состоялось заседание Краеведческого Совета при ЦМК, на котором П. Н. Шульц рассказал о планах работ экспедиции и представил доклад «Скульптурные портреты скифских царей», а В. П. Бабенчиков высказал свои соображения по поводу участия в работах экспедиции местных историков и краеведов (Дневник, Л. 8). По окончании заседания П. Н. Шульц записал: «Меня поразил высококвалифицированный состав аудитории: чл.-корреспондент АН Петухов, профессора В. В. Познышев, Н. А. Троицкий, редактор газеты “Красный Крым”, Председатель Крымского Союза Советских художников Я. П. Бирзгал, весь научный состав Музея и многие другие. Мой доклад о скульптурных портретах Скилура и Палака был выслушан с вниманием... Было немало вопросов (о культурной и этнической принадлежности скифов и славян задал вопросы Я. П. Бирзгал, об участии в экспедиции естественников задал вопрос профессор В. В. Познышев, о пунктах нахождения скифских памятников в Германии спрашивал проф. Н. А. Троицкий, В. П. Бабенчиков говорил о преемственной связи искусства скифов и русского художественного ремесла. Профессор (фамилия не указана. — Авт.) высказывал пожелание о повторном докладе на истфаке Педуниверситета» (Дневник, Л. 19).

Совершенно очевидно, что крымчан, помимо сугубо научной «скифской» тематики, волновала и, так сказать, «политическая составляющая» истории древних народов полуострова. Вероятно, даже в большей степени. Это заседание стало прологом к целой серии собраний-сессий по истории Крыма (Юрочкин 2016а). На следующее совместное научное заседание ЦМК и ТСЭ были намечены доклады В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму», С. Ф. Стржелецкого «Тавры в Крыму», П. Н. Шульца «Итоги работ Евпаторийской экспедиции», а также В. В. Познышева «О геологическом строении Петровских скал». По окончании полевой деятельности экспедиции должно было состояться сообщение П. Н. Шульца «Итоги работ Тавро-скифской экспедиции в 1945 г.». Намечался план будущих научных работ по следующим темам: «Маршрут походов Диофанта в Крыму», «Фауна Неаполя Скифского (домашние и дикие животные по костным остаткам)», «Топонимика скифских городищ Крыма», «Оборонительные сооружения скифов в Крыму», «Лепная керамика скифских городищ Крыма», «Катакомбы Неаполиса», «Памятники скульптуры Неаполиса Скифского» (Дневник. Л. 20).

Благодаря новым контактам в Симферополе расширился и состав экспедиции. В качестве практика была задействована студентка III курса истфака Крымского педагогического института, дочь профессора Н. А. Троицкого Татьяна Николаевна Троицкая, впоследствии известный российский археолог, д-р ист. наук, профессор кафедры истории мировой культуры Новосибирского государственного педагогического университета. Как отметил П. Н. Шульц 25 августа: «На раскоп днем зашел канд. истор. наук капитан Вольный и кандидат истор. наук. ст. лейт. (фамилия не указана. — Авт.). Завязалась с ним интересная беседа о роли государства скифов в процессе сложения русской государственности. Капитан Вольный предложил прочитать на эту тему доклад на научном заседании Музея» (Дневник. Л. 27). Предложенный доклад был включен в программу сессии Музейно-краеведческого совета, проведение которой в здании ЦМК было поддержано как руководством музея, так и секретарем Крымского обкома ВКП(б) П. А. Чурсиным, курировавшим идеологическую работу (Вакатова 2006: 72).

На первом заседании сессии Ученого совета Центрального музея Крыма, посвященной вопросам древней истории Крыма, был заслушан доклад В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму» (Зайцев 2015: 6). «Готский вопрос» в послевоенном Крыму хотя и воспринимался в политическом контексте сугубо в негативном ракурсе, но требовал разъяснений. Текст доклада 1945 г. неизвестен, но в научном архиве Института археологии Крыма РАН сохранилась недатированная рукопись статьи В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму». Несомненно, она относится к более позднему периоду, и ее объем явно превышает объем доклада. Однако, надо полагать, она отражает основные позиции автора. В своей работе В. П. Бабенчиков ставил глобальную задачу «пересмотреть материал по “готскому вопросу” в противовес “пропаганде немецко-фашистских захватчиков”» и позициям некоторых ученых прошлого. При этом основной фактологический материал автор черпал из работ Ф. К. Бруна и А. А. Васильева (Брун 1880; Васильев 1921; 1927), а подбор критических аргументов — из давно устаревшей работы антинорманиста В. Н. Юргевича (Юргевич 1886), включая малообоснованное высказывание о жителях Феодоро-Мангупа как о германоязычных евреях-переселенцах. Исходным положением работы стала позднеантичная традиция отождествления «готов» и «скифов» как синонимов слову «варвар». Отсюда делался вывод, что Готия и Готская епархия это всего-навсего

административно-топографические и церковные термины, не имеющие отношения к этническим германцам. По мнению В. П. Бабенчикова, если таковые и проникли в Крым в III столетии, то составляли незначительное меньшинство, а их потомки «растворились в среде горного коренного крымского населения». Поэтому, предлагал автор, во избежание недоразумений вообще следует отказаться от «неудачного термина — готы и заменить его термином “дориты” — т. е. жители страны Дори, понимая под этим термином как автохтонов Крыма — тавров и скифов, так и осевших здесь позже сарматов, аланов, гуннов, мадьяр, русских...» (РО НА ИАК РАН Ф. «В. П. Бабенчиков». Д. 6. Л. 1–41). По замечанию П. Н. Шульца, в день заседания зал был полон. «Много вопросов. Очень оживленные прения. Заседание прошло успешно» (Дневник. Л. 107).

На следующем заседании был заслушан доклад капитана Ф. Г. Вольного «Скифы и проблемы возникновения русской государственности». Доклад обсуждали с большим оживлением, хотя он, по отзыву П. Н. Шульца, «носил характер лекции несколько догматического характера» (Зайцев 2015: 7–8). Позднее капитан Ф. Г. Вольный сообщил П. Н. Шульцу о своих планах направить в ЦК ВКП(б) докладную записку «о необходимости усиления работ над проблемой преемственной связи скифов и славян» (Дневник. Л. 229).

Сам руководитель ТСЭ сделал два доклада о своих довоенных работах в Крыму и итогах первого года деятельности на полуострове. Все заседания сессии проходили торжественно и при большом стечении слушателей, что подчеркивало интерес к древней истории и археологии края.

Таким образом, уже на первой сессии были обозначены два направления, которые в последующие годы стали определяющими в историко-археологической науке Крыма: роль скифов в сложении восточных славян и русской государственности, а также «готский вопрос». При этом инициатива их разработки возникла не в среде академической науки или партийного руководства, а стала следствием патриотических настроений в обществе.

Кроме полевых работ по исследованию городища Неаполь и его могильника, а также городища Кермен-Кыр и Залесье (на окраинах Симферополя), в следующем году предполагалось решить вопросы научно-организационного характера. В частности при поддержке директора ЦМК П. А. Олейникова и П. А. Чурсина было решено поставить перед Совнаркомом РСФСР вопрос о превращении Неаполиса в Государственный археологический заповедник (Крымскую археологическую станцию АН СССР). П. А. Чурсин настоятельно рекомендовал П. Н. Шульцу еще до отъезда подготовить статью о работах ТСЭ для альманаха «Советский Крым». Также предполагалось выступление ученого по местному радио и даже съемки цветного (!) фильма «Историко-археологическое прошлое Крыма» (Дневник. Л. 217; Шульц 1946: 103).

По ходатайству П. Н. Шульца в рамках работы по линии ЦМК за В. П. Бабенчиковым на 1946 г. была закреплена тема «Катакомбы Неаполиса», за Т. Я. Кобец — «История исследований скифских городищ Крыма за 120 лет» (Дневник. Л. 231). По окончании работ в ЦМК была устроена выставка находок ТСЭ (Дневник. Л. 225).

Под эгидой ГМИИ планировалось издание сборника «Скифы в Крыму. Материалы и исследования Тавро-Скифской экспедиции (к 120-летию юбилею со дня начала исследований Неаполиса)». В него должны были войти работы как столичных, так и местных ученых: Шульц П. Н. Памятники монументальной скульптуры Неаполиса; Бабенчиков В. П. Катакомбы Неаполиса; Карасев А. Н.

Оборонительные сооружения скифов в Крыму; Погребова Н. П. Торговые взаимосвязи скифов Крыма по данным находок в скифских городищах; Домбровский О. И. Опыт реконструкции скифской керамической обжигательной печи Кермен-Кыра; Гиршберг В. Б. Лепная керамика скифов Крыма; Гусаркина А. В. Скифские и сарматские курганы Крыма; Кобец Т. Я. Итоги исследований скифских городищ Крыма за 120 лет; Позднышев В. В., Троицкий А. Н. Природные условия местоположения Неаполя; Шульц П. Н. Отчет о работах Евпаторийской экспедиции; Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-Скифской экспедиции за 1945–1946 гг. Здесь же должна была быть представлена полная библиография о скифах и таврах в Крыму (Дневник. Л. 222). Все это свидетельствует о широких планах П. Н. Шульца по изучению Крыма, но прежде всего его скифских древностей.

В 1945 г. происходило формирование Крымского филиала Всесоюзного географического общества при Академии наук СССР, в котором П. Н. Шульц также принял активное участие (Президиум Отдела 1951: 125).

Судя по дневниковым записям, Павлу Николаевичу еще до отъезда удалось в целом завершить работу над обзором работ ТСЭ в 1945 г. Статья была опубликована в следующем году в альманахе «Советский Крым» (Шульц 1946). В издании, рассчитанном на массового читателя, автор рассказывал о скифских и таврских древностях Крыма, об открытиях, сделанных ТСЭ, подчеркивая высокую культуру скифов и важность изучения скифской государственности. Затронул он и животрепещущий «славянский вопрос», комментируя тему следующим образом: «Кто такие скифы? Этот вопрос не может не волновать русского человека. Правы ли те западные ученые, которые до сих пор склонны считать, что скифы — это первые кочевые орды монголов, проникшие с Востока в наши Причерноморские степи? Правы ли другие, пытающиеся доказать, что скифы — это иранцы и что они проникали в Причерноморье через Среднюю Азию и Кавказ? Или же наиболее близка к истине давно уже высказанная в русской науке мысль о том, что скифы — предки славян, что они являлись исконными жителями нашего юга и связаны узлами кровного родства со своими предшественниками — киммерийцами и трипольцами» (Шульц 1946: 101). Работа завершалась еще более красноречивым пассажем: «Материалы, добытые экспедицией, наглядно показывают, как много общего имеет культура поздних скифов с культурой древнейших славян (общность планов городищ, сходство землянок, посуды, росписи, орнамента, каменных изваяний, изделий художественного ремесла). Работы экспедиции убеждают в том, что Крым в древнейшее время не стоял в стороне от великого процесса формирования славянских народов. Скифы Крыма сыграли свою роль в сложении русской народности, русской культуры и государственности. Недаром же Неаполис скифский в сказании Стефана Суратского (Сурожского. — Авт.) именуется “Новгород Руський”. Итак, тавро-скифская экспедиция добыла науке немало новых данных в пользу правильности того положения, что скифы являются предками славян и что Крым, следовательно, издавна принадлежал нашим предкам» (Шульц 1946: 116).

Обратим внимание, в дневниковых записях 1945 г. П. Н. Шульц не высказывал подобную заинтересованность в изучении «славянского вопроса», но, безусловно, уловил общественные настроения по данной проблеме и сделал соответствующие вставки в текст статьи. Хотя никакой конкретики П. Н. Шульц не приводил, он понимал: славянская тема все больше сращивается со скифской. Хотя документальные подтверждения отсутствуют, но можно предположить,

что соответствующие вставки были сделаны в текст позднее, уже при редактировании и наборе альманаха.

В отношении общественных настроений и видения истории Крыма показателна статья «Урок истории» известного советского писателя и сценариста Петра Андреевича Павленко (1899–1951), опубликованная в том же номере альманаха. Рассказ ведется от имени сельского школьного учителя Георгия Константиновича Чепурнова, путешествующего по крымским горам и представляющего картины прошлого. Персонаж сетует: «Вот они рядом, таинственные холмы Сурожа, стерегущие самую изумительную из долин — Судакскую, а что в том толку, что мы знаем о славе их? Решительно ничего. О жизни эллинской, римской, византийской и итальянской археологи Крыма рассказывают нам увлекательные истории, оживляя самые неприглядные пустыри Феодосии, Керчи или Херсонеса, а дни славянского Сурожа, славянской Тьмутаракани бесследно растаяли в веках... А между тем, какие блестящие страницы русской истории записывались в этом, как будто чужом, не нашей крови, не наших традиций миру — в Таврии! «Если даже не принимать во внимание, — думал Чепурнов, — что Ахилес, герой Илиады — славянин, и, следовательно, в эпоху Гомера тавро-скифы уже занимали видное положение в древней цивилизации...»». Далее устами Чепурнова высказывал следующее соображение: «Чужое мы умеем и познать, и выгоднейшим образом подать, а свое... Нет, нет, на историю родной земли, на краеведение придется здорово нажать, иначе вырастим Иванов Непомнящих да немогузнаек. А в наших крымских условиях, где нового народу хоть отбавляй, история — основа основ, скрижаль скрижалей...». Персонаж П. А. Павленко — Чепурнов искренне любит Россию, гордится ее героическим прошлым. Ему противопоставлен нерадивый и склочный колхозник Савченко — спецпереселенец из Курской области. Он не считает Крым родной, русской землей и стремится поскорее покинуть полуостров. В итоге Чепурнов вместе со школьниками решают поставить суд-спектакль над Савченко, в котором примут участие персонажи из исторического прошлого Крыма: князь Владимир Суворов, Нахимов и т. д. (Павленко 1946: 187–198). Таким образом, идея русского Крыма подана в литературном произведении в качестве своеобразного теста на патриотизм.

Следующий, 1946 год работ ТСЭ принес замечательные результаты. На Неапольском городище был открыт мавзолей скифской знати с погребениями, сопровождавшимися большим числом золотых украшений, В. П. Бабенчиков продолжил работы на некрополе (Зайцев 2004: 36).

К полевым исследованиям П. Н. Шульц привлек демобилизованного с Дальнего Востока Е. В. Веймарна (1905–1990), поручив ему руководство Бахчисарайским отрядом ТСЭ. Уроженец Севастополя, работавший в 1928–1941 гг. в ГИМе, Е. В. Веймарн получил хорошую практику в период экспедиций на Эски-Кермене и на других памятниках Крыма, Тамани, Поволжья (Пиоро 1990: 144–146; РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1948). Л. 5). В 1946 г. он вернулся на работу в ГИМ, готовился к защите кандидатской диссертации, посвященной реконструкции оборонительных сооружений средневекового Эски-Кермена. Таким образом, сотрудничество с Е. В. Веймарном позволило расширить хронологические рамки работ ТСЭ до средневековой эпохи с ее пресловутым «готским вопросом». В качестве добровольного помощника присоединился к работе экспедиции и капитан Ф. Г. Вольный.

Вопросы этнической истории полуострова, вынесенные на широкую аудиторию, рассматривались на Второй научной сессии по истории Крыма, которая

проходила в период работы ТСЭ в августе — сентябре 1946 г., как и в прошлый раз при участии и в помещении ЦМК. К организаторам мероприятия присоединился еще и Крымский отдел Всесоюзного Географического Общества АН СССР.

Число докладчиков расширилось, а количество присутствовавших на заседаниях доходило до полусотни человек. Помимо сотрудников ЦМК, Пединститута и членов ТСЭ, в зале находились представители прессы и отдела пропаганды Обкома ВКП(б), преподаватели школ (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 18, 22).

Открывая сессию, П. Н. Шульц назвал центральной задачей историков, изучающих прошлое полуострова, «освещение вопросов возникновения великого русского народа и его государства и выяснение роли Крыма в этом процессе». Для этого, по его замечанию, необходимо развернуть в Крыму изучение культуры поздних скифов, их государства, поскольку без этого «нельзя раскрыть в нужной полноте проблему скифо-славянской связи» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 9), т. е. отойти от декларирования и направить изучение актуального вопроса в научное русло.

Особое место Крыма в истории страны осознавали и в столице. По решению Президиума АН СССР при ИИМК была сформирована Крымская комиссия под руководством историка-востоковеда члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского. Комиссия планировала созвать в ноябре 1946 г. пленум в Крыму, а Е. Ч. Скржинской, как ученому секретарю Комиссии, было поручено наладить контакты с местными органами власти и научными учреждениями полуострова, а заодно и прочесть на сессии доклад «Генуэзские памятники Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 6, 22). Обзорный доклад, построенный на фактологическом материале, в частности, на эпиграфических источниках, в известной степени дисгармонировал с господствовавшей тогда тенденцией изучения роли исключительно аборигенного населения, а никак не заведомых пришельцев. На это Е. Ч. Скржинской было тут же указано. Сошлись на том, что пришедшие генуэзцы были лишь заказчиками, а непосредственными исполнителями являлись местные рабочие, так что и памятники этого периода содержат ценную информацию о местной культуре (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 22). Помимо докладов, освещающих результаты исследований Неаполя и проблемы изучения поздней скифской культуры (П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Н. Н. Погребова, Н. А. Троицкий), ряд выступлений был посвящен фортификации Крыма в древности и средние века (А. Н. Карасев, Е. А. Столяревский, Е. В. Веймарн) (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 6).

По «славянскому вопросу» в рамках сессии прозвучали сразу три доклада: Ф. Г. Вольного «О предках и происхождении государственности восточных славян», В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» и преподавателя истфака Крымского пединститута И. Ф. Дриги «О происхождении слов Русь и славяне» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 5).

Ф. Г. Вольный, поддерживая автохтонную версию происхождения славян, выражал решительное несогласие с позицией члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова об иранском происхождении царских скифов. Под скифами, настаивал докладчик, следует понимать коренные народы Восточной Европы — Скифии, что дает основания говорить об «исторически обусловленном праве на территорию и начале государственности восточных славян» задолго до IX в. По его мнению, на юге Скифии к I тысячелетию н. э. уже сложилось классовое общество, обособилось ремесло, образовалось государство, а восточные славяне явились прямыми наследниками этого опыта. Но этот процесс

не был прямолинейным, он затормозился в связи с «нашествием сарматов, готов-бродяг и гуннов». В деле изучения происхождения славянства и его государственных институтов Крыму отводилось особое место, как «сгустку поздней Скифии в общественно-экономическом, военно-политическом и культурном отношениях» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 131). Модернизация истории и спорность большинства данных положений для профессиональных ученых была очевидна. Однако эти недостатки компенсировал патриотический настрой докладчика, его убежденность в правильности выбранного направления. В прениях П. Н. Шульц и Е. Ч. Скржинская корректно предостерегли Ф. Г. Вольного от широких и заманчивых исторических обобщений, а также от нападок на коллег за их научную позицию. При этом отметили доклад как вдохновенный и прочувствованный, хотя декларативный, а потому требующий корректив. Но Ф. Г. Вольный не обиделся на замечания, отметив, что доклад «выдерживался мною в историко-политическом плане», а «задача доклада это — декларация и я на большее не претендую» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 24, 25). Действительно, многие годы этот декларативный «историко-политический план» постоянно присутствовал в изучении «славянского вопроса» в Крыму наряду с реальными научными попытками поиска следов славянства на полуострове.

К числу таковых, безусловно, следует отнести работы патриарха крымской археологии В. П. Бабенчикова. На сессии он предложил докладчикам обзор источников, в основном письменных, прямо или косвенно касающихся славян и Руси в Таврике. Правда при этом он не стал рассматривать памятники средневековой материальной культуры и роль Тмутараканского княжества, предполагая в будущем продолжить свою работу в этом направлении.

И. Ф. Дрига высказал интересную, хотя и довольно спорную версию происхождения наименования «Русь» от слова «рука» в свете традиции рукопожатия у славян (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 27). Славяно-русская тема в той или иной степени присутствовала при обсуждении фактически всех докладов. Схематические рисунки из неапольских склепов сравнивались с орнаментами русских и украинских хат, а греческое название «Неаполис» предложено заменить «Неаполем», т. е. более адаптированным к русскому языку. В завершении было решено материалы данной сессии, равно как и прошлогодней, издать в печати. Это должно было способствовать «познанию Крыма новым переселенческим населением, воспитывать уважение к его истории и культуре» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 9).

Открытие ТСЭ в Неаполе Скифском пристенного мавзолея скифской знати с многочисленными изделиями из золота (Зайцев 2004: 36) еще больше подогрело интерес к археологии в широких кругах населения. Вокруг П. Н. Шульца начал спланироваться коллектив единомышленников. А в патриотически настроенном обществе уже сформировался запрос на выяснение роли полуострова в истории древней Руси и славянства. Возникла та редкая ситуация, когда интересы академической науки, политики и патриотических сил полностью совпали. Было бы непостижимым не воспользоваться таким историческим шансом, тем более что Крымский обком ВКП(б) и Облисполком неоднократно обращались в ЦК ВКП(б) и СМ СССР, а также в АН СССР с предложением о создании в Крыму крупного научно-исследовательского центра. Судя по документам, недавно опубликованным Т. П. Стрижовой и М. Ю. Киселевым (Стрижова, Киселев 2015), в начале января 1947 г. Председатель Крымского облисполкома Дмитрий Александрович Кривошеин (1905–1979) и секретарь Крымского

облисполкома Николай Васильевич Соловьев (1903–1950) направили письмо Начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александру и Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову с просьбой организации в Симферополе Крымской базы Академии наук СССР. В нем отмечалось: в Крыму предстоит решение целого ряда задач общесоюзного значения, при том что на полуострове «...сосредоточено исключительное, нигде более неповторяемое, богатство объектов естественно-исторического и историко-археологического характера, имеющих крупное народно-хозяйственное и культурно-политическое значение». В отношении последних «в Крыму можно проследить на богатейшем историко-археологическом материале смену культур, почти без перерывов, от древнейших этапов существования человека до наших дней. Крым обладает большими традициями в области археологических исследований. Старейшие историко-археологические музеи Крыма (Керченский, Херсонесский) имеют богатейшие коллекции мирового значения. В Центральном архиве Крымской области хранятся ценнейшие документы по истории XVIII, XIX и XX веков, позволяющих разработать ряд актуальных проблем истории нашей Родины, как-то: "Борьба России за выход к Черному морю", "История Черноморского флота", "Крымская война 1853–1856 гг.", "История Гражданской войны в Крыму", "История Великой Отечественной войны в Крыму" и т. д. Археологические и архивные богатства Крыма еще очень мало изучены. Киммерийцы, тавры и скифы в Крыму, проблема развития скифского государства и культуры поздних скифов, своеобразие Боспорского государства, значение культурного наследия античных городов Крыма для последующей истории юга СССР, вопросы о сарматах, готах и, в особенности, славянах в Крыму, взаимоотношение крымских племен с Византией, страна Дори, Херсонес и Русь, Тмутараканское княжество, Суроужь и походы князя Бравлина — вот круг вопросов которые необходимо исследовать на месте путем широкого использования крымского археологического материала. Печенеги, половцы и татары в Крыму, история борьбы России с татарами и Турцией за Крым, за Черное море; присоединение Крыма к России и образование Черноморского флота — так же представляют собой круг тем, которые совершенно по-новому осветят вековые связи России с Черным морем и Крымом. Трудящиеся Союза должны знать многовековую историю Крыма, старинную связь его с историей России, замечательные страницы из истории революционного движения в Крыму, славные деяния города-героя Севастополя в прошлом столетии и в годы Великой Отечественной войны Советского Союза». В заключении указывалось: «По изложенным причинам обком ВКП(б) и облисполком считают вопрос об организации базы Академии наук вполне назревшим и своевременным и просят открыть ее в Симферополе в составе следующих секторов: 1) геологии, геоморфологии и геофизики; 2) океанологии; 3) химии; 4) ботаники и почвоведения; 5) зоологии; 6) историко-археологического» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 1–4).

В документе вопрос о славянах в Крыму уже поставлен, но рассматривался еще оторвано от скифской темы. Готы и страна Дори также не вычеркнуты из списка народов и исторических образований полуострова. АН СССР в лице Президента академика С. И. Вавилова и академика-секретаря академика Н. Г. Бруевича в феврале того же года поддержала ходатайство, направив соответствующие документы в ЦК ВКП(б) и заместителю СМ СССР В. М. Молотову (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 5–6).

В результате 1 июня 1947 г. СМ СССР своим распоряжением разрешил Президиуму АН СССР приступить к созданию Крымской научно-исследовательской базы. Руководство процессом на месте было поручено П. Н. Шульцу как наиболее активному представителю академической науки на полуострове (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 14). 18 сентября 1947 г. была создана комиссия Президиума АН СССР в составе академика Б. Д. Грекова (председатель), академика И. И. Шмальгаузена, членов-корреспондентов П. И. Лебедева, А. Д. Удальцова, Н. Н. Славянова, доктора с/х наук И. Н. Антипова-Каратаева и ученого секретаря Совета филиалов и баз АН СССР Ульяновской, направленная в Симферополь с целью разработки структуры Базы, направлений ее работы и штатов (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 14).

К их приезду и была приурочена следующая сессия по истории Крыма, тем более что в том же году отмечался 120-летний юбилей раскопок в Херсонесе и Неаполе Скифском. По уже установившейся традиции, официальными организаторами мероприятия являлись ТЭСЭ ИИМК АН СССР, Крымское отделение Всесоюзного Географического общества АН СССР и ЦМК. С докладами, посвященными скифской культуре Крыма, выступили сотрудники экспедиции П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Н. Н. Погребова, Е. В. Веймарн. Ряд докладов был посвящен древностям Херсонеса и его окружи (А. К. Тахтай, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон, Г. Д. Белов), а также историческим темам нового времени. Не обошли стороной и актуальное славяно-русское направление. Заместитель директора Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий прочел доклад «Русь-дромиты», а старший научный сотрудник ЛО ИИМК А. Л. Якобсон представил результаты своих исследований по теме «Корсунь и Киевская Русь» (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 1). В своем докладе он обращал внимание на связи двух регионов в области материальной культуры и даже высказал мнение, что керамическое производство Херсона-Корсуни оказало влияние на гончарное ремесло столицы Руси. Этот тезис несколько насторожил слушателей, поскольку влияние отмечалось только со стороны византийского Херсона, а Киев оказывался в подчиненном положении (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 37).

Как готы стали аланами

На этой сессии обозначилось новое направление в изучении этнической истории полуострова, связанное с пресловутым «готским вопросом». В 1946 г. на склоне плато «пещерного города» Чуфут-Кале был обнаружен раннесредневековый могильник (Кропоткин 1958; 1965). В 1946–1947 г. на нем проведены небольшие раскопки под руководством заместителя директора Музея пещерных городов Крыма (МПГК) П. П. Бабенчикова. По погребальному обряду и составу инвентаря некрополь оказался чрезвычайно близок к известным могильникам, прежде объединенным Н. И. Репниковым и В. И. Равдоникасом в культуру Суук-Су, соответствующую «готской стадии» (Равдоникас 1932: 36–41). Естественно встал вопрос об атрибуции памятника. «Готский» вариант по понятным причинам отпал сам собой. Но помог случай, точнее, местоположение могильника: на плато Чуфут-Кале в XIV–XV вв., согласно письменным источникам, располагалась крепость Кырк-Ор, являвшаяся в тот период форпостом алан в Крыму (Герцен, Могаричев 1993: 39–43). Происхождение крымских алан XIII–XV вв. довольно туманно (Бубенок 2004: 190–229), а хронологическая

лакуна между ними и последними захоронениями нового некрополя составляла более полутысячелетия. Но в данной ситуации это было уже не столь важно, и П. П. Бабенчиков в своем докладе «Вновь открытые аланские склепы в Горном Крыму» счел возможными и единственно правильным атрибутировать некрополь как исключительно «аланский», приписав его населению загадочных Фулл (Бертье-Делагард 1920: 91; Мыц 2001: 80–83; Майко 2002: 133–145), якобы в раннесредневековый период размещавшихся на месте Кырк-Ора — Чуфут-Кале (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 46). Эту идею развил В. П. Бабенчиков в докладе «Аланы в Крыму», высказав мнение, что в сложении раннесредневековой культуры Крыма основную роль сыграли именно аланы, сохранившие «свой народный облик» до поздневизантийского периода, когда их и зафиксировали в Крыму письменные источники. Проводя автохтонную линию этногенеза, он отнес формирование крымских алан к началу III в. н. э., допуская, что под этим именем в юго-западном Крыму объединилась часть прежних скифо-сарматских племен, уже слившихся с «местными горцами — таврами». Именно они основали портовые города Ардабду (Феодосию), Сугдею (Судак, Сурож), а в горах они же создали укрепленный центр Дорос (Эски-Кермен) и Фуллы (Крык-Ор, позднейший Чуфут-Кале). Притом это были не аланы-кочевники, а оседлые жители и отнюдь не ираноязычные. В. П. Бабенчиков настаивал, что в аланском союзе были и русские-славяне, «во всяком случае, на территории Крыма». Вспомнил докладчик и об известной «Записке топарха», в то время считавшейся подлинным источником (Медведев: 2006: 15, 33–60; Хапаев 2009: 10), намекавшей на сходство между подданными крымского топарха и князем, правившим к «северу от Дуная» (Святославом по В. П. Бабенчикову). Ранее данный пассаж использовался для доказательств родства крымских готов и норманнской Руси (Гедеонов 1862: 70; Ламбин 1874: 82). Теперь же ситуация представлялась с точностью до наоборот, как свидетельство слияния крымских алан с русскими. В итоге крымские аланы были зачислены в разряд протославянского населения полуострова (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 41, 43). Совершенно очевидно, что предложенная гипотеза содержала множество противоречий, фактических и логических нестыковок, а самое главное не находила никакого подтверждения в письменных источниках, более тысячи лет замечавших лишь готов, но странным образом игнорировавших алан. Вместе с тем это крайне смелое предположение наносило мощнейший удар по «готскому вопросу», выбивая из-под него подоснову в сфере материальной культуры. Все известные раннесредневековые могильники юго-западного Крыма (Суук-Су, Эски-Кермен, Узень-Баш и т. д.) из разряда «готских» просто переводились в разряд «аланских». «Готский вопрос» казался решенным, по крайней мере, в области археологии. Поначалу участники форума не вполне оценили важность «аланской версии», хотя и поддержали направленность доклада (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 46). Еще одним ударом по «готскому вопросу» стал доклад заведующего кафедрой Крымского медицинского института профессора Виктора Владимировича Бобина «К вопросу о деформированных черепах». Выступающий указывал, что обычай деформации имеет в Крыму древние, доготские корни, в частности, мог быть связан древнейшими аборигенами — таврами (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 92). Гораздо большую осторожность в освещении результатов своих исследований проявлял Е. В. Веймарн. Он лишь констатировал находки объектов, воздержавшись от их этнокультурной и даже хронологической атрибуции, за что получил легкий упрек (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 91).

А ведь именно от него, специалиста по крымской медиевистике, ждали решающего слова в «готском вопросе». Но он лучше других был осведомлен о перипетиях, подчас трагических, вокруг проблемы и, учитывая свое социальное происхождение и этнические корни (Пиоро 1990: 144), предпочитал отмалчиваться. Вероятно, поэтому он всецело принял «аланскую» гипотезу братьев Бабенчиковых. Это нашло отражение в отчете о раскопках могильника Чуфут-Кале, который ему пришлось заканчивать ввиду скоропостижной смерти П. П. Бабенчикова (Веймарн 1948. Л. 30).

Первое академическое учреждение Крыма

Тезис «Крым — русская земля» первоначально принадлежал не историкам и не областному партийному руководству, а стал откликом на общественные настроения. Свидетельство тому — сообщение директора Областного лекционного бюро Л. И. Кондрашова. Выясняется, что для жителей полуострова была составлена лекция об историческом прошлом Крыма, отправленная на рецензию профессиональным историкам. Рецензенты (не названные по имени два доктора и один кандидат исторических наук) предлагали «изъять из лекции основной тезис о том, что Крым является исконно русской землей», считая его преждевременным и недоказанным. Л. И. Кондрашову пришлось отстаивать его сначала в обкоме комсомола, а затем ехать в Москву в ЦК комсомола и ЦК ВКП(б). В защите тезиса крымские историки существенной поддержки не оказали. И только когда удалось привлечь на свою сторону А. Д. Удальцова, лекция, равно как и сам тезис, были приняты (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21).

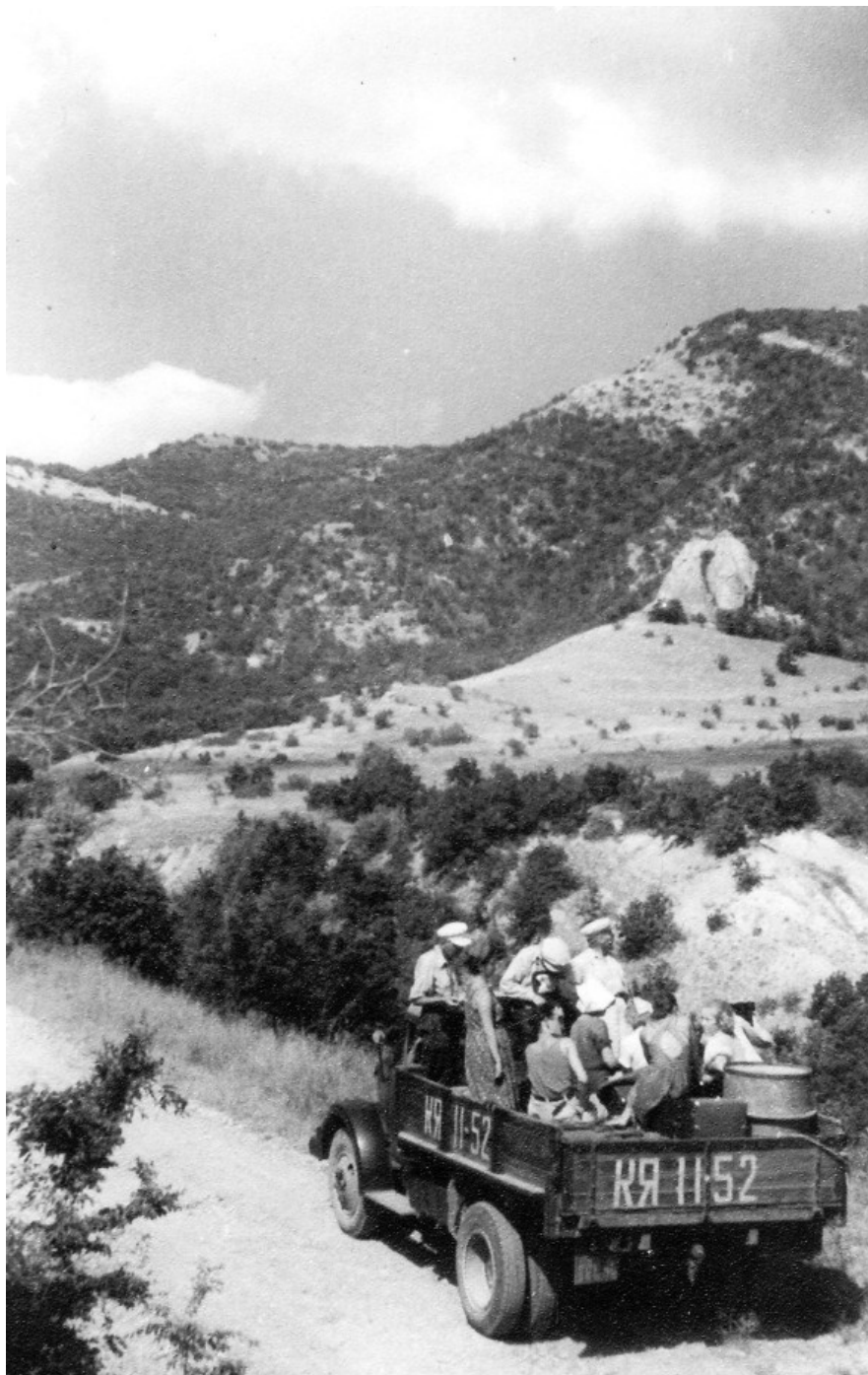
23 декабря 1947 Президиум принял решение о создании Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (КНИБ), утвердил структуру и направления ее деятельности. В ее структуру должно было входить шесть секторов: геологии, почвоведения, ботаники, зоологии, химии, а также истории и археологии. Что касается последнего, то в его составе предполагалось наличие двух археологических станций — Керченской и Бахчисарайской. Кроме того, в систему Академии наук СССР для включения в состав КНИБ планировалось передать Евпаторийскую солевую станцию (Министерства химической промышленности СССР) и Херсонесский археологический музей (Комитет по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР). В числе направлений деятельности КНИБ в области истории и археологии было указано «изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории; в частности разработка следующих проблем: древнейшее аборигенное население Крыма, Крым в скифо-сарматскую эпоху, Крым в эпоху средневековья (славяне в Крыму, Крым и Московская Русь, борьба России за выход к Черному морю, история Азовской флотилии Черноморского флота, Крымская война, Севастопольская кампания); Советский Крым, Крым в период Гражданской войны, Крым в годы Великой Отечественной войны, новое население Крыма и перспективы народно-хозяйственного и культурного развития Крымской области в послевоенное время, антропологические исследования останков крымского населения древнего и средневекового времени; памятники архитектуры Крыма, монументальная живопись Крыма» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 62. Л. 203–205, 211–215; РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1). Хотя в утвержденном направлении работы Сектора и присутствовала определенная политическая составляющая (вполне

обоснованная, учитывающая крымские реалии), но славяне упоминались только в связи со средневековой историей Крыма (что вполне справедливо). Никаких намеков на исследование относительно происхождения славян от скифов в документе нет, что же касается преувеличенного значения «аборигенного населения», то иного и быть не могло, учитывая господство теорий Н. Я. Марра в гуманитарных направлениях науки.

В это же время были утверждены заведующие секторами, заместитель директора КНИБ — доктор геолого-минералогических наук Яков Дмитриевич Козин (1896–1974), правда, остались вакантными должности директора и ученого секретаря. Заведующим сектором истории и археологии был утвержден П. Н. Шульц. В составе Сектора предполагалось сформировать две группы: истории и археологии. КНИБ в значительной степени являлась координирующим центром. Большинство сотрудников секторов совмещали работу с преподавательской деятельностью. Только в конце зимы 1948 г. в должности директора КНИБ был утвержден заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР, директор ИИМК им. Н. Я. Марра, член-корреспондент АН СССР Александр Дмитриевич Удальцов (1883–1958) (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 67. Л. 25). Тот факт, что КНИБ возглавил именно авторитетнейший историк, конечно, не случайность. В столице сознавали важность исторического направления в жизни и науке полуострова (Юрочкин 2016б).

Наиболее активным структурным подразделением КНИБ, как и следовало ожидать, стал Сектор истории и археологии (СИА КНИБ) под руководством П. Н. Шульца. Первыми научными сотрудниками СИА КНИБ стали члены ТСЭ: Е. В. Веймарн, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Г. Д. Белов, В. В. Бобин (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 3–4) и молодой специалист Элла Исааковна Соломоник (1917–2005), только что защитившая кандидатскую диссертацию по истории Древней Греции и распределенная на работу в Крым (Кутайсов 1994: 4). Предполагалось привлечь к работе и ведущего специалиста по аланской археологии Кавказа Татьяну Максимовну Минаеву (1896–1973) (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3), но в отчетном списке личного состава за 1948 г. ее фамилия отсутствует (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 3, 4).

В составе СИА КНИБ наиболее хорошо была укомплектована группа археологии, чего не скажешь о группе истории. Ее руководителем и единственным сотрудником стал Павел Наумович Надинский (1894–1961). Бывший первый секретарь Симферопольского горкома ВКП(б) П. Н. Надинский еще до войны был вынужден по болезни оставить партийную работу, посвятив себя краеведческой деятельности (Петров, Шамко 1982: 72–143; Ломакин 2009а: 72–79). В прежние годы П. Н. Надинский, загруженный партийно-хозяйственной работой, а затем сраженный болезнью, не получил фактически никакого специального образования. Но любознательность и природное трудолюбие, сопряженное с большевистской убежденностью, бойцовским характером, общительностью и искренней любовью к Крыму компенсировали отсутствие опыта научной работы. Одним из важнейших направлений его деятельности стала лекционная работа. Результатом его домашней работы стали статьи в местной прессе, лекции по истории полуострова новейшего времени и небольшая книга «Страницы из жизни крымского комсомола» (1938). В начале Великой Отечественной войны он познакомился с будущим командующим партизанским движением Крыма А. В. Мокроусовым. Симферопольский Горком ВКП(б) поспособствовал эвакуации семьи Надинских в тыл, в Уфу к родственникам.

Тавро-Скифская экспедиция на выезде (НА ИАК РАН)

Здесь он не прекращал переписку со старыми товарищами по партийной работе, с А. В. Мокроусовым. От одного из раненых крымских партизан, прибывших на лечение в Уфу, Павел Наумович получил номер оккупационной газеты «Голос Крыма» со статьей о крымских готах. Как позднее отмечали биографы П. Н. Надинского, именно после ее прочтения у него возникла идея создания обобщающего труда по истории Крыма, выдержанного в духе большевизма и опровергающего различные политически мотивированные манипуляции такого рода. (Петров, Шамко 1982: 96–110). После возвращения в Крым в декабре 1944 г. основным и закономерным направлением научной деятельности П. Н. Надинского стала работа по сбору материалов о крымском партизанском движении в годы Отечественной войны, чтение лекций. Возможно, именно ему принадлежала упоминавшаяся Л. И. Кондрашовым историческая лекция о русском Крыме (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21). Скорее всего, зачисление П. Н. Надинского в штат КНИБ не обошлось без рекомендации партийных органов. Несмотря на официальную скромную должность младшего научного сотрудника, он исполнял обязанности руководителя группы историков. П. Н. Надинский с присущей ему активностью тут же включился в работу.

Планом научно-исследовательской работы СИА КНИБ на 1948–1950 гг. предусматривались довольно обширные задания по разработке трех проблем. Первая из них, «Аборигенное население Крыма в древности», включала ряд тем. «Киммерийцы и тавры в Крыму» — исполнителями темы планировались П. Н. Шульц и И. М. Минаева. Предполагалось «исследование поселений киммерийской эпохи, открытых в Симферопольском и Белогорском районах в 1947–1948 гг. с целью выяснения их хронологии, культуры, быта, связей и уточнения вопроса о периодизации исторического развития тавров в Крыму». По итогам должны были быть опубликованы статьи в сборнике трудов Сессии по истории Крыма. Следующая самая обширная тема озаглавлена как «Скифы в Крыму». К ее исполнению привлекался основной костяк СИА: П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник. В рамках темы рассматривались вопросы «о периодизации исторического развития скифов в Крыму, о государстве и культуре поздних скифов». Подводились итоги исследований ТСЭ, планировалась статья о раскопках на могильнике Неаполя Скифского и саркофаге, обнаруженном в мавзолее города, а также о скифском царе Атее. Менее конкретно выглядела тема «Славяне в Крыму», хотя ее руководителем формально (учитывая важность) значился директор КНИБ А. Д. Удальцов, но единственным исполнителем указывался В. П. Бабенчиков, окончательно перешедший на работу в КНИБ на скромную должность младшего научного сотрудника. Планировалось «освещение вопроса о славянах в Крыму в эпоху средневековья по письменным источникам и археологическим данным». С методикой поисков археологических следов славянства в Крыму в СИА тогда еще точно не определились. Тему «Исследование древнего и средневекового населения Крыма в антропологическом отношении» вел В. В. Бобин с целью выяснения «вопроса об этническом составе древнего и средневекового населения Крыма по антропологическим данным и постановки вопроса о так называемых деформированных черепках». В результате работ предполагалось сделать обзор историографии вопроса (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3). Последняя составляющая, надо полагать, была связана с распространенными представлениями, приписывающими такие черепа в эпоху Великого переселения народов готам.

Несколько абстрактно выглядела и тема Е. В. Веймарна, возглавлявшего Бахчисарайскую археологическую станцию: «Аборигенные культуры юго-западного Крыма». Исследование касалось «состава населения и культуры юго-западного Крыма в эпоху поздней античности и средневековья». Кроме того, планировалось «осветить этот вопрос на материале Инкерманского могильника» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3). Данному объекту придавалось особое значение по следующей причине. Могильник случайно был обнаружен еще в 1940 г. на правом берегу р. Черной в районе Инкермана (пригород Севастополя). Во время строительных работ здесь провалился склеп. Выехавший на место С. Ф. Стржелецкий произвел его зачистку, а также раскопал могилу с инвентарем III–IV вв. В следующем году земляные работы здесь были продолжены. Неизвестно, сколько было разрушено погребальных сооружений в результате народнохозяйственной деятельности, но сотрудникам Бахчисарайского историко-археологического музея, наблюдавшим за работами, удалось собрать интересную коллекцию предметов. Среди них была и сероглиняная лощеная миска с орнаментом в виде треугольников, внешне походившая на сосуды из могильников «полей погребений» черняховского типа (Юрочкин 1999: рис. 1, 13). Материалы предвоенных исследований были опубликованы заместителем директора по научной части Государственного Херсонесского историко-археологического музея С. Ф. Стржелецким в 1947 г. (Стржелецкий 1947). Атрибуция материала была подана в соответствии с господствующей автохтонной моделью. Автор обращал внимание, что обнаруженный здесь склеп IV в. имеет аналогии, с одной стороны, в некрополе Херсонеса, с другой — в так называемых «готских могильниках» Эски-Кермена и Суук-Су. В то же время он призывал рассматривать «готскую культуру» как комплекс памятников «местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействовавших обществ: местного — таврского, позднее тавро-скифского, с одной стороны, и греко-римского (Херсонес) с другой». Все это, согласно С. Ф. Стржелецкому, звенья «чисто местного процесса». Форма инкерманского склепа, имеющего аналогии на Северном Кавказе, свидетельствует не о влиянии на Горный Крым и тем более не о миграции населения с востока, а указывает на процессы, параллельно протекавшие в этих двух регионах. Не отрицая реальности «готов» Крыма, автор подчеркивал, что так именовалась лишь «господствующая верхушка, меньшинство». При этом в них, по его мнению, нельзя видеть «нечто целостное и монолитное». По заключению С. Ф. Стржелецкого «одни “готы” это население восточной части Крыма на Боспоре, где их местной основой были сарматы, совершенно иное “готы” в юго-западном Крыму, где их основой были тавро-скифы». Следовательно, это «конкретные исторически сложившиеся этнические образования, которые, хотя и шли в своем общем развитии одинаковым путем (находились на одной стадии. — В. Ю.), оставались разными “народами”, разными “готами” в Крыму» (Стржелецкий 1947: 298–300). Таким образом, Инкерманский могильник имел прямое отношение к пресловутому «готскому вопросу» и был связующим звеном между древностями позднескифской эпохи и памятниками типа Суук-Су, Эски-Кермена и Чуфут-Кале, принадлежащими, согласно новой версии братьев Бабенчиковых, крымским аланам, имевшим, по их мнению, отношение к древним славянам. Еще осенью 1947 г. комиссия, проводившая обследования археологических объектов, находящихся в ведении МПГ, в лице Уполномоченного Крымской базы Академии наук СССР П. Н. Шульца, ст. научного сотрудника ЛО ИИМК АН СССР

А. Л. Якобсона, ст. научного сотрудника ГИМ Е. В. Веймарна, ученого-реставратора ГМИИ Е. А. Болотниковой, и. о. начальника Сектора охраны памятников областного Отдела по делам архитектуры Крыма О. Я. Ковалевой, заместителя директора по научной части Государственного Херсонесского историко-археологического музея С. Ф. Стржелецкого, директора МПГ Э. А. Дубинской, заместителя директора по научной части МПГ П. П. Бабенчикова и архитектора-художника А. П. Припускова установила, что в следующем году на месте могильника предполагаются масштабные строительные работы. Начальнику треста «Севастопольстрой» и директору ИИМК АН СССР А. Д. Удальцову было направлено срочное письмо «Об обнаружении сарматского склепа в Инкермане» и об угрозе разрушения древнего некрополя. В нем, между прочим, отмечалось «важное научное значение Инкерманского могильника, связанное с актуальной темой сарматизации племен Северного Причерноморья, или этнических элементов, давших со временем восточных или русских славян» (РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1949). Л. 119). Ситуация благополучно разрешилась. К мнению ученых строители прислушались, и на 1948 г. были назначены раскопки этого некрополя силами СИА КНИБ АН СССР и МПГ (Веймарн 1963: 115).

Следующая проблема, включенная в план работы СИА КНИБ АН СССР, была сформулирована как «Античные и средневековые города в Крыму». Она включала две темы. Первая из них, «Некрополь античного Херсонеса», предполагала «исследование некрополя античного Херсонеса по основным периодам его исторического развития в целях выяснения состава населения и особенностей культуры античного Херсонеса». Руководителем и исполнителем темы был утвержден сотрудник Эрмитажа Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979). Ученый вел активные исследования в Херсонесе начиная с 1925 г., был заместителем директора по научной работе, а в 1931–1933 гг. даже исполнял обязанности директора Херсонесского музея. В 1947 г. П. Н. Шульц планировал назначение Г. Д. Белова на должность руководителя Херсонесского историко-археологического заповедника, который должен был быть включен в состав КНИБ (РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1948). Л. 14). Однако проект передачи Херсонеса в ведение АН СССР не был реализован, и Г. Д. Белов по совместительству стал сотрудником СИА КНИБ, сохранив за собой направление прежних научных изысканий. Как, впрочем, и Е. В. Веймарн, которому совместно с архитектором А. П. Припусковым была поручена тема «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в юго-западном Крыму». Исследование подразумевало научно обоснованную реконструкцию «стен и башни Эски-Кермена и Сюрени на основании археологических данных». В итоге должна была быть написана статья и выполнены новые обмеры, зарисовки и фотоснимки памятников (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3).

Третье направление касалось истории советского Крыма и включало три темы. Результатом выполнения первой из них должен был стать составленный «Сборник документов: изгнание германских и англо-французских интервентов из Крыма». Работой руководил П. А. Чурсин, и в ней должны были использоваться документы из Областного архива МВД. Вторая тема, «История партизанского движения в Крыму», предполагала сбор материалов о партизанском движении в период Гражданской и Отечественной войн, составление альбома фотодокументов. Третья тема, «Земельный вопрос в Крыму (1917–1928 гг.) — исследование, имеющее целью осветить историю земельного вопроса в Крыму в советское время и дать развернутую картину борьбы партии большевиков против

татарских буржуазных националистов в земельном вопросе». Разработку двух последних тем взял на себя П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 4).

Историко-археологическая наука на полуострове в 1948 г. вышла на новый качественный уровень, и очередная сессия по истории Крыма, организованная КНИБ АН СССР, была призвана подтвердить этот статус.

П. Н. Шульц планировал пригласить на сессию ведущих археологов, тематика исследований которых связана с Крымом, а также влиятельных советских историков: Б. Д. Грекова, А. П. Смирнова, М. И. Артамонова и др. (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 9–55). В частности было направлено приглашение заведующему ЛО ИИМК, члену-корреспонденту АН СССР В. И. Равдоникасу с просьбой сделать доклад «К вопросу о готах в Крыму». Однако Равдоникас от подобного выступления предпочел воздержаться, сославшись на состояние здоровья (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 7–9). Не приехал и М. И. Артамонов (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 22).

В программе сессии, проходившей 20–24 сентября 1948 г. в здании Дома офицеров в Симферополе, значились 37 докладов по истории и археологии Крыма, а также по истории Октябрьской революции и Великой Отечественной войны (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 1, 2). «Славянскому вопросу» был посвящен блок докладов А. Д. Удальцова, А. Л. Якобсона и В. П. Бабенчикова. К ним тематически примыкали выступления профессора А. С. Башкирова и преподавателя Крымского пединститута С. А. Секеринского (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 1, 2).

Планарное заседание открыл А. Д. Удальцов докладом «Происхождение славян», в котором изложил различные версии этого сложного процесса. Его позиция устроила не всех присутствующих. От него требовали ответить на вопросы о том, «являлись ли скифы племенами славян?», «можно ли говорить, что Крым русский?» и каково происхождение и роль готов в отечественной истории. Ответ ученого был подчеркнуто уклончивым: «Скифы понятие собирательное, в него входили племена различного этнического происхождения», а «предками славян частично являлись не все скифы», а только «земледельческие племена Правобережной Украины автохтоны — сколоты». Что же касается готов, то они «являлись одним из бедных племен и малокультурными и находились на более низкой ступени развития, чем более развитые причерноморские племена... готы восприняли, придя сюда, местную причерноморскую культуру», которая «имела свои корни еще со скифских времен», в результате они «археологически... не различались от всего остального населения Причерноморья». Вообще же «готы оказались собирательным именем», «в Крыму их было маленькое количество», их имя «распространилось на более широкий комплекс — готаланов...» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 4–6). Тем самым А. Д. Удальцов своим авторитетом закрепил ранее озвученные В. П. Бабенчиковым положения, включая «аланскую» версию происхождения средневековой культуры Таврики, а также тезис о малочисленности и археологической неуловимости крымских готов (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 4–6). Отвечая на политически актуальный вопрос о русском Крыме, он дал пояснения, хотя и довольно туманные, что «до татарского периода Крым был русским, что касается последних племен, когда были другие племена — скифы, которые не были славянами, там были аланы и другие племена. Правильно говорить, что Крым издревле — русский, т. е. уже был славяно-русским до татарской жизни» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 7). Стоит обратить внимание еще на один аспект: А. Д. Удальцов предпочитал уже говорить о конкретных исторических народах, а не абстрактных «автохтонах», тем

самым выходя за рамки прежних стадияльных построений, основанных на учении Н. Я. Марра.

В центре доклада А. Л. Якобсона был Корсунский поход князя Владимира, наиболее яркое событие, политически соединившее в Таврике Русь и Византию. Вероятно, желая подчеркнуть масштабность этого военного контакта и силу русского князя, А. Л. Якобсон расширил рамки корсунского эпизода и говорил о разрушениях, произведенных не только в Херсонесе-Корсунь, но и на всей территории византийских владений в юго-западной Таврике. А вот о массовом населении Крыма славянами высказался крайне осторожно, точнее даже скептически (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 28). Тогда к докладу А. Л. Якобсона особых претензий не возникло, дискутировали только о дате крещения дружины Владимира (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 7–8).

О содержании указанных докладов и восприятии их слушателями приходится судить по протоколам заседаний. Рукопись же В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» сохранилась в его личном архиве, хранящемся в Институте археологии Крыма РАН (Акимченков 2012: 112–113). Точнее, это вариант доклада, расширенный до объемов статьи, планировавшийся к изданию в сборнике трудов сессий по истории Крыма.

Анализируя византийскую и восточную письменную традицию о славянах и их успешных военных действиях на Балканах, В. П. Бабенчиков подчеркивал, что в раннесредневековый период славяне уже были могущественным народом, а следовательно, их этногенез восходил к более ранним временам. В то же время славяне занимали и земли, соседствующие с Причерноморьем, в частности проживали на территории Хазарии. Традиционно автор напоминал о «славянских» и «русских» названиях порогов у Константина Багрянородного, о «росьскы писмены» из Херсонеса времен св. Константина Философа, сообщение Масуди об обитании русов на берегу Черного моря, о «епархии росов» патриарха Фотия, об истории «новгородского князя Бравлина» из Жития Стефана Сурожского и т. д. Все эти факты достаточно хорошо были известны благодаря обширной дореволюционной историографии, отражавшей дискуссию норманнистов и антинорманнистов, и не раз обсуждались в связи с идеей Черноморской Руси и зарождения Тмутараканского княжества.

«Таким образом, — отмечал В. П. Бабенчиков, — имеются все основания предполагать, что славяне жили и в Северном Причерноморье и в частности в Крыму, который являлся очень удобным плацдармом для сношений и с Византией через Корсунь и с народами М. Азии и с востоком и с Подоньем и с районами низовьев Днепра и Дуная, играл в то же время и стратегическую роль при походах в Византию. И, по всей видимости, этой объединяющей властью были славяне русские... Сопоставление этих фактов дает нам право уверенно говорить о том, что русские славяне бытовали в Крыму в начале IX века». Наиболее интригующей в связи с данной темой представлялась византийская практика именовать древних русов тавро-скифами. В. П. Бабенчиков, в общем-то, не сомневался, что за этим стоит литературная традиция, показатель греческой учености. Однако задавался вопросом: «Нет ли в сопоставлении русских именно с тавроскифами, а не просто со скифами, или, как у Кедрина — со скифами “около Тавра”, намек локального характера на то, что русские напали на побережье М. Азии с такого удобного плацдарма как Таврида-Крым, с полуострова, глубоко вдающегося в Черное море?». Обращал он внимание и на факт, в свое время подмеченный Н. П. Ламбиным, что «Константин Багрянородный в сочинении

“О городе Херсоне и городе Боспоре” ни разу не упоминает о Боспоре и говорит о каком-то “властодержце Алании”. Очевидно, под этим властодержцем Алании он подразумевает властителя Тмутаракани — русского князя. Константин Багрянородный не называет его “рос”, видимо, не желая, как и Лев Дьякон, нарушать литературные традиции и портить стиль своего произведения простонародными терминами. Но Константин Багрянородный сделал роса аланом, а не тавром, во всяком случае, властителем Алании, страны, лежавшей по ту сторону Боспора Киммерийского, связанного с Таврией в одно целое со временем глубокой древности. Все это дает исследователю основания для рассмотрения вопроса о взаимосвязи между скифами, аланами, таврами и восточными славянами — русскими, и именно в Крыму, где эта взаимосвязь всего естественней могла зародиться». Автор доклада-статьи пошел дальше, предположив, что не только Восточный Крым, пограничный Тамани-Тмутаракани, но и «часть Крыма (примыкающая непосредственно к его юго-западному нагорью, то есть, к стране Дори) была истари заселена русскими, а может быть и сама страна Дори». В качестве подтверждения этой догадки В. П. Бабенчиков приводил договор Византии с князем Игорем (941 г.) и конечно пресловутую «Записку Топарха». Кроме того упоминались известия (правда, гораздо более поздние) о русских купцах в Суроже-Судаке. Русский анклав в этих местах, по мнению В. П. Бабенчикова, мог сложиться еще во времена, когда «в начале IX века, после смерти Стефана Сурожского (он умер в конце VIII века) в Сурож “прииде рать велика русская из Новгорода — князь Бравлин силен зело, плени от Корсуня до Корча”». Отсюда следовал вывод: «С полным правом можно утверждать, базируясь на человеческой практике, которая в таких случаях является лучшим критерием, что какая-то часть “рати великой русской” здесь осела и на побережье и в горах», а «Бравлина, пришедшего в Крым, поддерживало местное русское население. Благодаря этому он и покорил все прекрасно укрепленные города греков на побережье Крыма». Отсюда и «села, города и замки, встречающиеся на разных картах средневековья Ρως, Cosal di Rosia, Ρωσίά, Rossa (Тендровская коса) Rossofar, Rossoca (близ Евпаторийского озера), селение Rosso и т. д. Потомков их мы находим здесь даже в конце XIV века. Таким образом, имеются все основания утверждать, что славяне русские истари жили в Крыму, или, вливаясь в портовых городах в пестрое местное население, или имея свои отдельные области, села и города в западной части Крыма, а также и в восточной, в бывшем Боспорском царстве». Учитывая замечания, прозвучавшие по отношению к прошлому варианту доклада, В. П. Бабенчиков остановился на археологических следах славян и русских в Крыму. Он справедливо отмечал, что археологическим поиском славян на полуострове «до сих пор еще никто не занимался специально. Исследователи изучали только случайно попавший в их руки материал». При этом приводились два примера: «В 1929–1931 годах Н. С. Барсамов копал средневековое городище в Коктебеле и нашел типичную славянскую керамику. Часть черепков была им поднята на поверхность и зарегистрирована, как подъемный материал, но большая часть этих “славянских горшков” была выкопана и преимущественно — в нижних горизонтах культурного слоя при раскрытии фундамента древнего храма». «В 1937 г. у башни Зенона в Херсонесе открыли склеп (№ 4) с материалом VI–VII веков, где среди находок оказался “славянский горшок” с характерной волной, горизонтальным рифлением и крестообразной розеткой на дне, составленной из пересекающихся дуг четырех окружностей, заключенной в рамку

из концентрических кругов». В завершение ученый предложил свою версию появления славян в Крыму: «После падения в Крыму скифского государства Скилура и Палака... в крымских степях и нагорье происходят новые перегруппировки племен, в силу которых преобладающим в Крыму народом оказывается сарматское племя аланы, родственное скифам. Аланы основали в начале III века н. э. Сугдею (Сурож, Судак) и Ардабду (Феодосию) — крупные портовые города, выстроили внутри страны сильные крепости (Фуллы — Чуфут-Кале, м. б. Дорос — Эски-Кермен). Аланы, как скифы-сколоты и как некоторые другие сарматские племена (роксоланы) являлись, как полагают современные исследователи, одним из компонентов славян — восточных, в частности — русских славян. Может быть, уже к VI веку н. э. в Крыму появляются русские области, которые позднее крепнут настолько, благодаря связи со славянами Поднепровья, что в IX веке, хотя и на время овладевают греческими городами Крымского побережья (новгородский князь Бравлин, позднее — князь Владимир)... Сила эта, конечно, не исключительно пришлая, внекрымская. И Бравлин, как мы уже высказывались выше, и Владимир — несомненно, опирались на местные племена, которые помогли в снабжении огромных армий, и вливались в них в качестве бойцов... Само Тмутороканское (здесь и далее — орфография В. П. Бабенчикова. — Авт.) княжество выросло и развилось не на инородческой местной основе, а на основе аборигенного русско-славянского населения, так как мы не знаем в истории случаев покорения здесь русскими князьями не-русского населения, а с другой стороны здесь славяне бытуют со времен Олега и Святослава, что не подлежит уже сомнению. Понятно также и то, что у византийских писателей русские славяне слывут под именем “скифов у Тавра”, “тавроскифов”, “тавров”, понятно потому, что русские являлись прямыми наследниками древних тавров и скифов, исконных хозяев Крымской земли — Тавриды, и здесь на почве Крыма издревле стали хозяевами значительной части полуострова. Поэтому мы теперь с уверенностью можем сказать, что Крым — издревле русская земля, и все другие народы — печенеги, половцы, генуэзцы, татары, турки, вливавшиеся в Крым и остававшиеся здесь в течение более или менее длительного периода — являлись захватчиками, пользовавшимися затруднениями в жизни русских княжеств до их объединения в монолитное русское государство вокруг Москвы» (РО НА ИАК РАН. Ф. «В. П. Бабенчиков». Кн. 1. 7/7. Л. 1–31).

В. П. Бабенчиков был абсолютно прав: тема не только имеет право на существование, но требует углубленного анализа. Поскольку же открытий новых письменных источников вряд ли стоило ожидать, то в поиске следов древних славян решающее слово должна была сказать археология. Немногочисленность известных на тот момент фактов — не аргумент, учитывая достаточно неравномерную изученность полуострова, который действительно мог еще преподнести массу неожиданностей. Самым перспективным объектом для этого выглядело поселение на плоской вершине г. Тепсень в пос. Планерское (бывшем Коктебеле).

Против столь категоричных и широких обобщений выступили гости сессии А. Л. Якобсон и Е. Ч. Скржинская, призывая быть осторожными при обращении с письменными источниками и не преувеличивать число славянского населения в средневековом Крыму. Однако, отвечая на замечания, докладчик предпочел остаться при своем мнении, настаивая, что «Крым не мог не войти в круг интересов славян», и даже инициировал создание особого отряда, который займется изучением славян в Крыму (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 119–121).

Интерес вызвал и доклад известного антрополога, автора методики портретной реконструкции М. М. Герасимова «Этнический состав населения Неаполя Скифского». Подчеркнув «чрезвычайную смешанность» в антропологическом отношении скифов Неаполя, ученый в итоге констатировал: «В основном весь этот комплекс... вошел составным субстратом в очень сложный комбинат наших славянских племен» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 36–39). О «местном смешанном населении» говорили и другие докладчики, особенно когда это касалось наиболее спорных аспектов истории, не вписывавшихся в формирующуюся парадигму. Так, судя по выступлению Е. Ч. Скржинской, в княжестве Феодоро и генуэзских поселениях обитало население, «в котором растворились и древние — тавры и скифы», а также «армяне, греки, славяне, аланы, евреи, татары» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 107). О смешанном населении Сурожа и особой роли в нем русских говорил С. А. Секеринский. Сотрудник Академии художеств СССР профессор Н. Б. Бакланов, характеризуя архитектуру средневекового Крыма, подчеркивал, что не стоит смотреть на нее как на «татарщину», которую «следует смахнуть», ибо, кто бы ни выступал заказчиком, истинным создателем их был народ — «остатки древних народов, так же скифов...», поэтому крымская архитектура демонстрирует, прежде всего, «суммарные усилия народов Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 108–115). Таким образом, именно «автохтонистская» модель развития народов Крыма, не противоречащая идеям Н. Я. Марра и соответствующая общественным настроениям, в этот период стала наиболее приемлемой и востребованной.

Е. В. Веймарн подчеркнуто стремился дистанцироваться от этноисторических атрибуций, особенно когда речь шла об Эски-Кермене, лишь отметив в своем докладе, что оборонительная система города была уничтожена «хазарами в VIII в. в обстановке неудачного восстания Иоанна Готского путем специального разрушения оборонительных стен». Но слушателей, конечно, интересовали не столько чертежи и реконструкции фортификационных сооружений городища. Сразу же последовал вопрос о строителях Эски-Кермена и народах, обитавших в городе (подразумеваемая имевшая место готскую или византийскую атрибуцию объекта). Однако попытка втянуть его в дискуссию успехом не увенчалась. К провокационным вопросам коллег Е. В. Веймарн был явно готов, потому ответил четко: «Из общих пленарных докладов это уже известно. Жило местное аборигенное население, сложившееся в результате общего исторического процесса. Мы не ошибемся, если назовем его тавро-скифским. Много рассуждать не приходится. О культурном влиянии Рима и Византии не будем говорить, оно было. Но Византия не строила здесь. Конструктивные элементы уведут нас к таврским сооружениям. Использовались местные конструкции. Никаких особенностей наземные сооружения не имеют, они те же что и в Херсонесе» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 116). Из документов этого времени складывается впечатление, что Е. В. Веймарн, возглавлявший Бахчисарайскую станцию КНИБ и являвшийся, по сути, вторым лицом в СИА после П. Н. Шульца (в его отсутствие Е. В. Веймарн исполнял его обязанности), держался (как и его учитель Н. И. Репников в ГАИМК) несколько обособленно от основного ядра крымских коллег и разрабатываемых ими проблем. Видимо, сказывался опыт прошлых лет работ, связанных с городищем Эски-Кермен и перипетиями вокруг «готского вопроса». Еще со времен Мангупской экспедиции 1938 г. его оппонентами оставались ленинградские археологи А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова (Юрочкин 2017: 324–325).

Павел Николаевич Шульц (второй слева) и Евгений Владимирович Веймарн (второй справа). 1950-е гг. (ИАК РАН)

В этот период «краеугольным камнем истории Крыма» считались памятники кизил-кобинской культуры Крыма, вопросы ее хронологии, точнее соотношение с историческими таврами. Вопросу было посвящено отдельное заседание, на котором были представлены материалы раскопок поселений в окрестностях Балаклавы (А. К. Тахтай), в урочище Ашлама-Дере на окраине Бахчисарая (Х. И. Крис), а также доклад П. Н. Шульца «Кизил-кобинская культура и периодизация исторического развития тавров» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 65–67).

Вероятно, самой большой неожиданностью стал доклад профессора ЛГУ С. Я. Лурье «Декрет в честь Диофанта». На основании историко-эпиграфического анализа он пришел к заключению, что в 108–107 г. до н. э. на Боспоре произошли волнения свободных скифов, а никак не восстание рабов, как утверждал в свое время С. А. Жебелев (Жебелев 1938). Учитывая новые тенденции в освещении скифов (наличие у них, якобы, мощного государства, развитой культуры и экономики и т. п.), интерпретация событий, предложенная С. Я. Лурье, первоначально была принята почти безоговорочно положительно (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 81–84). Об идеологическом значении работы С. А. Жебелева почему-то забыли.

В заключительном слове А. Д. Удадьцов подвел итоги и охарактеризовал первоочередные задачи крымских историков и археологов. В «славянском вопросе» он призвал «расширить в первую очередь археологическое исследование в этой области» и «продолжить изучение славянства в Крыму на основе письменных источников, на основе критического пересмотра и анализа этих источников». Кроме того, направить усилия на исследование памятников скифской культуры, с центром в Неаполе, и государства скифов одного «из древнейших государств, возникших на территории нашего Советского Союза». В отношении античных памятников ставилась задача их изучения с уклоном на смешение жителей городов с местным населением. Такой подход позволял бы «превратить» крым-

ские центры из эллинско-византийских в памятники аборигенных обитателей полуострова. Для средневекового периода намечалась «аланская проблема» в связи с историей Сурожа и др. пунктов. Не менее значимыми представлялись исследования истории Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн в Крыму, в частности «разоблачение той роли, которую играли татарские националисты в истории Крыма». В этой связи был высоко оценен доклад П. Н. Надинского «Партия большевиков в борьбе против татарских буржуазных националистов в Крыму», прозвучавший на сессии (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 59–61). В очередной раз озвучивалась насущная необходимость издания серии трудов и научно-популярных очерков по истории полуострова и в первую очередь по истории города-героя Севастополя. В единогласно принятой резолюции отмечалось: «...важнейшая задача, стоящая в настоящее время перед советской исторической наукой, состоит в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии и партийность в науке против объективизма, скрывающего за собой реакционные, идеалистические, буржуазно-националистические, враждебные советской идеологии тенденции» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 63). Жесткая формулировка, адресованная историкам — «бойцам идеологического фронта», прозвучала не случайно.

Стоит отметить и такой малоизвестный факт: в 1948 г. был снят короткометражный научно-популярный фильм «Новгород-Скифский», консультантом которого выступил П. Н. Шульц (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 73). В том же году Инкерманская экспедиция КНИБ АН СССР совместно с МПГК провела масштабные по тем временам раскопки в Инкермане на территории могильника, которому угрожало разрушение в ходе строительства. Помимо некрополя «времени перехода от античности к средневековью» была обнаружена и раннетаврская (кизил-кобинская) стоянка (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 11). На могильнике открыты захоронения в склепах, подбойных и грунтовых могилах III–IV вв. В одном из захоронений, сопровождавшихся оружием, находилась трехручная ваза, типичная для черняховской культуры (Веймарн 1963: 18). В предварительном отчете о результатах работы отмечалось: «В инвентаре погребений большой интерес представляет смешение позднеатавских, позднескифских и сармато-аланских элементов. Вопрос об этническом составе инкерманского населения требует исследования, но, во всяком случае, ясно, что это туземное население городского типа, связанное очевидно с Инкерманом» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 12). Параллельно В. П. Бабенчиков провел обследование Коктебельского городища, «давшее славянскую керамику» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 11).

Патриотизм и космополитизм. П. Н. Надинский

1948 г. выдался непростым в жизни страны и советской науки. Нарастало противостояние между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. На этом фоне разворачивалась борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед буржуазным Западом (Александров 1948). Летом того же года состоялась печально известная сессия ВАСХНИЛ. Разногласия между агробиологами, приобретавшие политическую окраску, вскоре коснулись и гуманитариев. К концу 1948 г. компания по борьбе с космополитизмом и объективизмом в СССР добралась и до исторической науки. А. Д. Удальцов на публичном заседании в Институте истории АН СССР 15–18 окт. 1948 г., посвященном

обсуждению ошибок Института, подал тревожный сигнал: «...советские византиноведы проявляют склонность чересчур расширительно толковать влияние Византии на Русь. Проявляется тенденция представлять дело таким образом, что вся русская культура была заимствована из Византии», а это уже могло толковаться как проявление космополитизма в исторической науке (Мосина 1948: 44). В декабрьском номере журнала «Вопросы истории» была опубликована статья «Против объективизма в исторической науке». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4.04.1949 был сменен состав редколлегии журнала «Вопросы истории», главным редактором издания назначен А. Д. Удальцов.

Новые политические акценты не преминули отразиться и на исторической науке в Крыму. В начале 1949 г. по этому поводу состоялось внеочередное заседание СИА КНИБ под председательством Е. В. Веймарна (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1949). Л. 1–4). Коснулись они и планируемых к изданию трудов сессии по истории Крыма 1948 г. под редакцией А. Д. Удальцова при участии членов редколлегии: Я. Д. Козина, П. Н. Шульца, П. Н. Надинского (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1949). Л. 25). В частности, это было связано с изменившейся позицией по отношению к культурно-политическому наследию Византии, на которую проецировался образ «империалистической державы» прошлого, чье влияние уmaßляло роль славянских племен и Руси.

Эти тенденции были замечены В. П. Бабенчиковым при рецензировании подготовленной к печати статьи А. Л. Якобсона о походе князя Владимира на Херсонес. Правда, замечания скорее касались стилистики, нежели носили концептуальный характер. Крымский ученый отмечал: «В некоторых местах идет речь о властвовании Византии в Тавриде», упоминается «Корсунь как центр византийских владений в Крыму», «неприятное впечатление производит подчеркивание варварства русских». Но в итоге был сделан жесткий вывод: «В таком же виде работа напечатана быть не может» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 48–50). Скрытый подтекст усмотрел и Е. В. Веймарн, давший отрицательный отзыв, аргументировав это тем, что А. Л. Якобсон «стал на неверную точку зрения и расценил все события, протекавшие в Крыму и в Северном Причерноморье, не в связи с историей народов СССР и великого русского народа, а с точки зрения внешних факторов, с точки зрения Византии». По мнению рецензента не стоило относить разрушения в Херсонесе к X в., т. е. связывать их с походом Владимира, это означало бы, что великий русский государственный деятель представлялся в образе «погромщика» Крыма. К числу отрицательных сторон рецензент отнес и отсутствие упоминаний о «тружениках, классовых отношениях». Обратил он внимание и на такой пассаж статьи А. Л. Якобсона: «Уже в начале 9 в., по крайней мере, в первой его половине, Таврида оказалась в орбите экономической и политической активности Руси», следовательно, делал вывод рецензент, ранее в эту орбиту Таврика не входила и стала «родной» только с 9 в.». Кроме того А. Л. Якобсон не упоминал «фактологический славянский материал в Крыму», «в работе... ни звука не упоминается о раскопках Барсамова в Коктебеле, о Тмутараканском камне... о находках в Херсонесе (гривны, кресты, горшок) и наконец антских фибул в Суук-Су (см. работу Б. А. Рыбакова “Ремесло древней Руси”)». И снова последовал неутешительный вывод: «Работа А. Л. Якобсона должна быть в корне переработана, вернее должна быть написана наново. В таком виде не может быть опубликована ни в одном издании нашей страны» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 52–56). Итог подвел заместитель директора КНИБ АН СССР Я. Д. Козин в письме А. Л. Якобсону. Аргументирую

отказ в публикации, он писал: «Главный недостаток Вашей работы заключается в том, что Вы методологически неправильно подходите к изучению вопросов из истории Крыма. Вы средневековый Крым, по примеру некоторых старых буржуазных историков целиком отдаете Византии, а русских в Крыму изображаете в роли агрессоров и пришельцев. С таким положением согласиться нельзя. Тем более Вам, безусловно, известно, что согласно решениям Президиума АН СССР о направленности работы Крымской базы, история Крыма должна изучаться как неотъемлемое звено истории народов СССР, русской истории» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 86). В списке критикуемых за «византизм» А. Л. Якобсон оказался не одинок. Те же огрехи нашли и в докладе С. А. Секеринского, не была принята к печати статья Е. Ч. Скржинской (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 38). Доклад же В. П. Бабенчикова, критиковавшийся на сессионных заседаниях, получил положительные, хотя и краткие отзывы. П. Н. Надинский особенно высоко оценил поддержку тезиса «Крым — издревле русская земля» и лишь порекомендовал «сильнее политически заострить критику неправильных взглядов авторов на историю Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 36, 37). В итоге ни в 1949 г., ни в последующие годы труды трех сессий по истории Крыма так и не были опубликованы в печати.

К лету 1949 г. Крымская научно-исследовательская база АН СССР была преобразована в Крымский филиал АН СССР (КФ АН СССР). П. Н. Шульц в этой связи даже ставил вопрос о реформировании Сектора истории и археологии в Институт истории и археологии (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1).

В стране борьба с «буржуазным объективизмом», «космополитизмом» и «низкопоклонничеством перед Западом» приобретала все большие масштабы (Тихонов 2016: 131–263). На этом фоне В. И. Равдоникас попытался воспользоваться ситуацией для укрепления самостоятельности ЛО ИИМК в научно-административной сфере. Позиции московских коллег подверглись критике в его докладе «О положении в археологической науке» за якобы имевшие место формалистические подходы. Но блицкриг не удался. «Красный демон археологии» в марте 1949 г. был отстранен от руководства ЛО ИИМК (Клейн 2010: 382–383; Платонова 2013: 33). В 1949 г. из ЛГУ был уволен С. А. Лурье. Еще более трагическая участь постигла А. К. Тахтая. Ему припомнили работу в Херсонесском музее в период оккупации, уволили с работы, завели уголовное дело. К делу А. К. Тахтая был приложен доклад П. Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков», материалы которого стали дополнительным аргументом в пользу обвинения А. К. Тахтая в космополитизме и коллаборационизме (Граб В. И., Супруненко 1991: 46–50).

Гиперпатриотические настроения очень ярко проявили себя в творчестве известного советского писателя и литературоведа, одного из переводчиков «Слова о полку Игореве» Алексея Кузьмича Югова (1902–1979). В очерке-эссе «Родина Ахиллеса» (Югов 1949; 1975) он, как убежденный автохтонист, считавший бесспорно «прарусскими» трипольцев, киммерийцев, тавров, скифов, ссылаясь на мнения М. В. Ломоносова, В. Г. Васильевского, В. В. Хвойки и т. д., предлагал «отодвинуть... в древность саму русскую народность», а появление славян в Причерноморье относить еще к временам Троянской войны. Писатель упрекал современных ученых, пребывающих в плену у «немецких концепций» и не решающихся заявить об истинной древности славянства и русской культуры, представителем которой был, по его мнению, легендарный Ахиллес.

Последнего он считал «владыкой скифской земли», урожденным тавро-скифом. Из эссе следовало, что «мы, “народ Рос”, были создателями средиземноморской культуры наравне с греками», а Киевская Русь берет свое начало от государства поздних скифов в Крыму. В облике скифского царя из мавзолея Неаполя он видел «гордое, но в то же время юношески доверчивое лицо... крымского славянина». Керченский полуостров представлялся А. К. Югову как родина металлургии, благодаря развитию которой Ахиллес и получил неуязвимые доспехи. Отсюда следовало, что русские являлись исконным населением Крыма, где греки, римляне, готы, гунны, татары, турки были лишь пришлыми варварами, способными лишь грабить полуостров и разрушать наследие «древнерусской тавроскифской культуры» (Югов 1949: 182–190).

Как уже указывалось, данные идеи принадлежали не самому А. К. Югову, точнее, не только ему. У него в литературной пафосной форме изложена квинт-эссенция представлений о древности славянства и его роли в Крыму, сформировавшаяся в послевоенный период.

Этим же представлением следовал и П. Н. Надинский, ставший неформальным «комиссаром» СИА. Учитывая свой опыт работы на партийных должностях, он воспринимал научные публикации не как форму изложения частных мнений и результатов исследований, а прежде всего как средство печатной пропаганды. Действительно, за прошедшие годы в литературе по истории Крыма накопилась довольно много противоречивых суждений, как ему представлялось, не отвечающих задачам социалистического строительства и генеральной линии ВКП(б). П. Н. Надинский вполне искренне считал своим долгом очистить научную литературу от подобного рода «извращений».

Дабы привлечь внимание к проблеме, П. Н. Надинский направил соответствующее письмо в ЦК ВКП(б). Оно и стало основой доклада, прозвучавшего 23 июня 1949 г. в Парткабинете Симферопольского Горкома ВКП(б). На заседании присутствовало более 100 человек: преподаватели крымских вузов, Областной партийной школы, техникумов и школ г. Симферополя, сотрудники музеев Крыма, Областного архива, представители печати, партийных и общественных организаций (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 113–116).

Заседание открыл Я. Д. Козин, указав, что после войны «в Крым вернулись исконные владельцы из различных областей СССР, подлинные хозяева Крыма — русские люди, они хотят знать историческое прошлое своей области», но, как выясняется, во многих работах по истории полуострова «отрицалось в развитии народа все местное, самобытное и преувеличивалось, раздувалось все пришлое — чужеземное». Крым рассматривался как «очаг непрерывных вторжений, оккупаций, завоеваний... имя этого направления — космополитизм» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 2, 3). Эту мысль и развил П. Н. Надинский в своем докладе. Называя Крым исконно славянской землей, докладчик указывал: «Космополитизм в науке, в литературе и искусстве означает не что иное, как стремление подорвать национальные корни, национальную гордость свободлюбивых народов, потому, что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму... нам предстоит немалая борьба и огромная работа по очищению исторической литературы о Крыме от имеющихся в ней крупных ошибок и извращений» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 62). Далее П. Н. Надинский постарался привести конкретные примеры. По понятным причинам он был недостаточного глубоко знаком с историографией, поэтому в центре внимания оказались работы участников

сессий по истории Крыма прошлых лет. В. Д. Блаватский критиковался за преувеличение эллинского влияния на местных жителей, подразумевавшее, якобы, что «предки русских не были способны создать свою самобытную культуру, а заимствовали все из-за границы». Те же нотки П. Н. Надинский уловил в трудах Г. Д. Белова и Н. В. Пяташевой, которые не «усвоили неоспоримую истину, что тавро-скифы были хозяевами Крыма, а греки, римляне и другие иноземные народы были захватчиками, агрессорами» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 68). Среди космополитов назван уволенный из ЛГУ профессор С. Я. Лурье, чей доклад на прошлогодней сессии дал основания «отрицать факт восстания рабов в древнем Боспоре под руководством скифа Савмака» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95). Критика коснулась и медиевистов за их увлечение Византией, в частности А. Л. Якобсона, из прошлогоднего доклада которого можно было сделать вывод, что во времена Владимира «войска Киевской Руси вторглись в Крым подобно диким кочевым ордам, сея вокруг себя смерть и разрушение», а «армия Владимира, якобы кормилась в Крыму, грабя местное население» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 70). Конечно же, не обошел П. Н. Надинский вниманием и «готский вопрос». По его заключению, наиболее видными «теоретиками и пропагандистами крымских готов в советское время» были эмигрант А. А. Васильев, покойный Н. И. Репников, репрессированные Н. Л. Эрнст и А. И. Полканов, а также А. С. Башкиров, которые «с ученым видом пропагандировали сказки о крымских готах», проникшие в Малую и Большую Советскую энциклопедию, вузовские учебники и антропологические исследования, в частности, в книгу Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 76, 77–83). Турецко-татарская эпоха в докладе названа «самым мрачным периодом истории Крыма». П. Н. Надинский убеждал, что авторы довоенных краеведческих изданий, указывавших на тяжелую жизнь татар при царизме, находились под влиянием «татарских националистов», таким образом выбивавших себе преференции по сравнению с другими народами полуострова, а в действительности боровшихся против Советской власти в Крыму и сотрудничавших с немецким оккупантами (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 83–93). Сотрудничество с оккупантами ставилось в вину и А. К. Тахтаю. По словам докладчика, «изменник Тахтай» еще в «1936–37 годах... почти открыто пропагандировал расистские теории» и благодаря ему «фашистские захватчики пытались превратить Херсонесский музей в гнездо фашистской пропаганды» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95–97). Оправдывая свою позицию во время оккупации, А. К. Тахтай позднее заявлял: «Наука не имеет границ... стоит над политикой и работал он не на немцев, а на Херсонес» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95). В этом П. Н. Надинский также усмотрел проявления космополитизма и преступной аполитичности, равно как и в недостаточно четкой этнической атрибуции горшка славянского типа из Херсонеса (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 101; Тахтай 1948: 42–43). Как неопровержимый и доказанный факт П. Н. Надинский преподносил скифскую версию происхождения славян, ссылаясь в ее подтверждение на «замечательные результаты археологических раскопок Тавро-Скифской экспедиции» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 71). Он подверг критике не только сомневавшихся в ее истинности, но даже тех, кто открыто не высказывался в ее поддержку. Среди таковых оказались и историки кафедры истории СССР Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, возглавляемой Федором Степановичем Загородских (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 105–110). Эти сотрудники не проявляли особого интереса к данной теме,

разве что за исключением И. Ф. Дриги. В свое время он подготовил статью «О южных предках восточных славян» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 40–41), но зная о скептическом отношении коллег по кафедре, обсуждать в своем научном коллективе не стал и передал работу для рецензии и разбора в Областное лекционное бюро, с которым активно сотрудничал П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21).

Выступая в ответ на критику, Ф. С. Загородских назвал доклад П. Н. Надинского поверхностным, но подтвердил, что «безраздельно поддерживает мнение о важной роли скифов в сложении славян» и посоветовал больше популяризировать в печати открытия ТЭС. Сотрудникам СИА КНИБ он рекомендовал, в конце концов, представить работу, разоблачающую «готский вопрос», а для участия в своих конференциях более тщательно подбирать докладчиков (имея в виду критикуемых А. Л. Якобсона, С. Я. Лурье и т. д.) и не сваливать свои просчеты на историков Пединститута. В итоге Ф. С. Загородских призвал к сотрудничеству между историками различных учреждений (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 4–7, 16, 17). Но в пляде выступавших в прениях по докладу Ф. С. Загородских осталась в меньшинстве. Среди поддержавших «целенаправленность и партийную направленность доклада» П. Н. Надинского: старший преподаватель истории Крымского Пединститута А. А. Прудников, В. П. Бабенчиков, И. Ф. Дрига, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Крымской областной партийной школы Ю. Д. Спиртус, Л. И. Кандрашев, заведующий лекционным бюро г. Ялта тов. Макаров, профессор ЛГУ К. М. Колобова и др. (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 113–116).

П. Н. Шульц также продемонстрировал солидарность с П. Н. Надинским. В своем выступлении он отмечал: в литературе прошлых лет Крым зачастую «распродавался космополитами разного толка оптом и в розницу и римским оккупантам и готам и генуэзцам и татарам и туркам и немцам», это происходило на фоне преуменьшения роли местного населения, прежде всего тавров, которые «трактовались как “крымские троглодиты”». Напомнил и об ошибках, допущенных В. Н. Дьяковым, распространившим «римскую оккупацию на всю Тавриду» (Дьяков 1941) и принявшим таврские укрепления на Медведь-Горе и г. Кошка за укрепления римского лимеса. Коснулся П. Н. Шульц и освещения «готского вопроса». То, что эта тема изначально была «отравлена готифильским духом» — очевидно. Проблема в том, что в статье, опубликованной в профашистской газете «Голос Крыма» (Шевелев 1942), имелись ссылки на отечественных ученых, в частности на результаты экспедиции ГАИМК на Эски-Кермене. И уж совершенно одиозным на этом фоне выглядел сборник ГАИМК под редакцией В. И. Равдоникаса (Равдоникас 1932). Хотя В. И. Равдоникас «этнос превращает в стадию», но писал о готах как о «безусловной исторической реальности» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 53). Тем более явно это проявилось в его ранних статьях (Равдоникас 1929; Ravidonikas 1929a; 1929b). В связи с этим П. Н. Шульц заключил: «В работах Равдоникаса по готскому вопросу, мы сталкиваемся с ярко выраженными проявлениями космополитических извращений истории Крыма, сыгравших на руку немецко-фашистским варварам». Тем самым он озвучил крайне жесткую позицию, учитывая положение ленинградского ученого в этот период (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 53).

Критике со стороны П. Н. Шульца, как это ни странно, подверглись и активные сторонники скифо-славянского родства и исконно русского Крыма капитан Ф. Г. Вольный, И. Ф. Дрига и писатель А. К. Югов. В их произведениях

П. Н. Шульц усмотрел рецидив «покровщины», поскольку данные авторы «строят свои исторические обобщения не из фактологического материала, но опрокидывают в прошлое сложившиеся в их голове предвзятые теории, искусственно подтягивая к ним факты». Так, по его мнению, Ф. Г. Вольный и И. Ф. Дрига, минуя многовековой процесс развития, утверждали преемственность культуры Киевской Руси от скифов, а А. К. Югов в первом варианте своей статьи «Родина Ахиллеса» утверждал, что Ахиллес — русский князь. «Нельзя, — отмечал П. Н. Шульц, — недопустимо сложнейшую, хотя и неотложную проблему о роли древнего и раннесредневекового Крыма и его коренных народов в этногенезе славян, проблему, кстати сказать, требующую накопления и исследовательской обработки громадного фактического материала, решать скондачка, путем лозунгов, логическим путем. Этим мы только дискредитируем нужную, животрепещущую проблему и ослабим энергию исследователей, работающих над вопросами происхождения восточных славян и истории древнего и средневекового Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 56, 57). Не поддержал он и огульного отрицания роли античного и византийского наследия в культуре Киевской Руси, заметив, что «в борьбе с космополитизмом не следует впадать в его кажущуюся противоположность — в национальную ограниченность и шовинизм» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 57). Даже несмотря на политическую конъюнктуру, профессиональные ученые всегда прохладно относились к работам дилетантов, одним росчерком пера решающих глобальные проблемы, не утруждая себя ни сбором материала, ни анализом фактов. Такой подход значительно обесценивал скрупулезную работу ученых. А возможно, это был косвенный посыл самому П. Н. Надинскому, недалеко ушедшему в своих декларациях от критикуемых. Однако он явно не был услышан.

В резолюции по итогам собрания отмечалось: «Необходима коренная перестройка в работе историков Крыма. История Крыма должна изучаться как неотъемлемое звено истории народов СССР, русской истории. Историю Крыма необходимо освещать как историю русского Крыма, как историю исконной русской земли», сам же доклад П. Н. Надинского получил наивысшую оценку (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 133–137). Было принято решение выпустить текст доклада отдельной брошюрой. Однако издание по непонятным причинам так и не состоялось (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 117–118; РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 21, 102, 105). Последний факт еще раз доказывает: критический доклад П. Н. Надинского не был инспирирован сверху, хотя и поддержан партийным руководством области.

Вероятно, тогда же П. Н. Надинский искренне пришел к убеждению, что именно ему уготована роль формирования новой парадигмы истории полуострова. Идея написания монографии «Очерки по истории Крыма» в целом была поддержана на заседании СИА КНИБ. Правда, Е. В. Веймарн настаивал на коллективном выполнении работы, но остался в меньшинстве (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1949). Л. 49–50). П. Н. Надинский с присущей ему энергией в мае 1950 г. приступил к работе над первым томом (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 15).

Брошюра-доклад П. Н. Надинского, имевшая, прежде всего, идеологический характер, возможно, не была опубликована еще и вот по какой причине. В 1949 г. развернулось так называемое «Ленинградское дело», обусловленное внутривнутрипартийной борьбой в ВКП(б). В деле образовался и крымский след. Первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев сразу после войны был председателем Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

Естественно, он и впоследствии контактировал с руководством региона, теперь попавшего под шквал репрессий. В начале августа 1949 г. Н. В. Соловьева вызвали в Москву, отстранили от должности, а затем и арестовали. По «делу Соловьева» было привлечено более 100 человек. В числе арестованных был и секретарь Крымского Обкома П. А. Чурсин (Амосова 2016). Партийные руководители Крыма, имевшие непосредственное отношение к созданию КНИБ АН СССР, были репрессированы как «враги народа», а новоназначенному Первому секретарю Обкома Павлу Ивановичу Титову (1907–1990) в это время было явно не до вопросов истории полуострова.

В итоге брошюра П. Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма» пролежала у редактора шесть месяцев, а затем попала в Крымиздат, но ходу ей так и не дали. Аналогичная картина была и с Трудями Сессии по истории Крыма. Рукописи сначала находились в Крымиздате около полугода, затем их отправили на рецензирование в Институт Истории АН СССР и в ИИМК АН СССР, но московские коллеги не спешили прислать свои отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 20–21).

Загадка Коктебельского городища

В 1949 г. Коктебельский (славяно-русский) отряд Тавро-Скифской экспедиции КФ АН СССР, при участии Областного краеведческого и Ялтинского музеев, под руководством В. П. Бабенчикова приступил к раскопкам на г. Тепсень. В результате был обнаружен один из крупнейших в средневековом Крыму трехапсидный христианский храм (Майко 2004: 7, 254–267).

О результатах работ ученый доложил на пленуме в ИИМК, а к концу декабря предполагал закончить статью «Находки славянских археологических памятников в Крыму». В отчете за 1949 г. отмечалось: «Получены новые данные о бытовании славян в Крыму и поставлен вопрос об участии Крыма в общем процессе этногенеза славян с Северном Причерноморье. В раскопной части (городище. — Авт.) дало возможность констатировать наличие близ б. Коктебеля на плато Тепсень большого славянского городища. Поселение лишено оборонительных сооружений. Раскопан жилой дом, собрано большое количество керамики славянского типа, черепицы с клеймами. Материал датирует поселение с VI по XII в... открыт ряд жилых каменных зданий, одно из них имело печь русского типа. Посуда носит славянский характер». Подчеркивалось своеобразие «аборигенной культуры Юго-Западного Крыма», а на основании обработанного Е. В. Веймарном материала из могильников Чуфут-Кале и Инкермана «выяснилось деятельное сохранение в обряде погребения и вещественных материалах... элементов поздней таврской культуры, что говорит о сохранении у населения раннесредневекового Крыма таврских элементов. Ярко представлены в материале могильников обрядовые формы и вещественный материал алан» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1–32).

В первый же рабочий день нового 1950 г. состоялось пленарное заседание Музейно-краеведческого совета и СИА КФ АН СССР. По поводу доклада В. П. Бабенчикова «Остатки славянских поселений в Крыму» возникла дискуссия, хорошо отражающая напряженную обстановку вокруг «славянского вопроса» и путей его разрешения. Приводим ее в том виде, в котором она зафиксирована в соответствующем протоколе заседания.

Первым в прениях выступил С. Ф. Стржелецкий: «Я ехал в Симферополь после того, как увидел Коктебельские раскопки. Коктебельский материал явно выделяется, во-первых, глина специфичная, обработка с характерными чертами; второе, что интересно в Коктебельском материале — это ранняя датировка. Я целиком и полностью согласен с В. П. Бабенчиковым, что материал близок к Салтовскому материалу. Однако слушая здесь В. П. Бабенчикову, я не могу согласиться с датировкой коктебельского материала до VI в. (вероятно, опечатка: “до VIII в.”. — *Авт.*). Керамика удревлена до VI в. Мне кажется, что славян таких как на Днестре и антов таких как на Днестре мы не найдем в Крыму. Надо искать специфику. Надо искать славян крымских. Надо доказывать общность культуры Поднепровья и Крыма. В отношении салтов, Бабенко, описывая материалы, прямо говорит, что аналогию этого материала мы имеем в Крыму. Материал в Коктебеле, по-моему, славянский, а специфика его — за счет крымских особенностей. Коктебельские раскопки всколыхнули нас в Херсонесе. Мы отстаем в изучении славянских проблем. В этом году Херсонесский музей занимается славянским вопросом. Я просмотрел археологический материал, накопленный в течение десятков лет и выбрал славянский материал. Собралось большое количество материалов. Уже в середине прошлого столетия в науке прочно установлена специфика славянских орнаментаций на сосуде. В Херсонесе нет славянского орнамента до VIII в. Он появляется после VIII века. В эпоху средневековья мы встречаем большую группу этой керамики. Многочисленные интересные пряслица русских мастеров, найденные в Херсонесе относятся ко времени X–XII вв. Одновременно подтверждается большое влияние Руси на Корсунь. Аналогичные примеры мы можем проследить на энколпионах, кольчугах, стеклянных браслетах и др. материалах. Я ставлю вопрос, что за материал из Корсуни? Можно твердо сказать, что влияние Руси на Корсунь колоссально. Я считаю необходимым изучить: Коктебель, Тьмутаракань, Корсунь для решения славянской проблемы в Крыму».

К. Ф. Соколова отметила, что «отсутствии антропологического материала в Коктебеле очень снижает достоинство всей работы».

Следующим слово взял П. Н. Шульц: «Вопрос о Тании, Атании, Арта (“Арсания” или “Артания” арабских источников X в. — *Авт.*) до сих пор не решен. Существует целый ряд мнений. Пархоменко считает, что Атания может быть Таманью. Данные об Атании относятся к VIII веку. Было бы чрезвычайно важно поставить вновь вопрос о месте нахождения Атании. Мавродин подчеркивает, что местонахождение Атании — загадка. Над этим вопросом должны работать археологи Крыма. Второе свидетельство, что Русь находится на острове. В нем говорится о болотистости и о том, что Русь имеет царя. Мавродин высказал утверждение о наличии где-то в Таврии населения русской дружинной вольницы — работорговцев, купцов для которых меч был средством установления власти и влияния. Насонов выдвинул точку зрения, что остров Руссов это Крым. Русский каганат, которым интересуется Рыбаков, достаточно ясно датируется IX–X в. Свидетельство о скифском народе Росс через море прорвавшимся. Храм в Тепсене примыкает по своему виду к Киевским храмам. Этот храм датируется VIII–X веком. Встает вопрос об Атании. Может быть Атания есть Крымско-Таманский каганат, предшествующий Тьмутараканскому княжеству. Изучение Тепсена может быть и положит начало постановке вопроса о Тании. Необходима совместная работа археологов, историков, антропологов. В этом году надо провести раскопки погребений в Тепсене. Вопрос о датировке Тепсеньского материала самый

важный. Мне кажется, он относится к VIII веку. Тепсеньский горшок типично русский (хочется есть из него гречневую кашу)».

Несколько эмоционально относительно выступления С. Ф. Стржелецкого высказался заместитель директора КНИБ Я. Д. Козин, вероятно не вполне правильно понявший смысл дискуссии: «Все выступление Стржелецкого сводится к тому, чтобы доказать, что славян здесь до VIII века не было. Мы должны рассмотреть археологический материал. Осторожность Стржелецкого — отрывка буржуазного объективизма. Считаю, что у Вас нет материалов, опровергающих Бабенчикова. У нас в Крыму и на Кавказе работают 10 экспедиций, а славянами не занимается ни одна из них. Я был недавно в Краснодаре и поставил перед тамошними археологами вопрос о Тьмутараканском княжестве. Считаю, что проблеме славянства надо решать крымским историкам в первую очередь».

С. Ф. Стржелецкий в свою очередь попытался объяснить свою позицию: «Я не против славян, но коктебельский материал не подтверждает датировки VI в. Выступление Я. Д. Козина — явное недоразумение, потому что мое выступление было направлено на решение тех же задач, к выполнению которых призвал Яков Дмитриевич. Принципиально я считаю, что в Крыму мы найдем славян не только в IX–X веках, но и в предшествующие эпохи, что поможет нам выявить генетику крымских славян. Что же касается керамики Коктебеля, то она не имеет черт VI–VII вв». (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1950). Л. 1–2).

Из вышеприведенной дискуссии следует, что связь поселения в Коктебеле с древностями салтово-маяцкой культуры (безотносительно к ее этнической атрибуции) в целом признавалась. Однако предметом дискуссии стала хронология памятника. В. П. Бабенчиков пытался удревнить его до VI столетия, тем самым приблизив к финалу скифской культуры, и ликвидировать образовавшийся хронологический hiatus. С. Ф. Стржелецкий справедливо отмечал, что крымских славян не стоит пытаться непременно вписать в существующие рамки представлений о материальной культуре славянского мира Поднепровья. Однако он наткнулся на критику Я. Д. Козина, вероятно, не вполне понявшего смысл дискуссии археологов и посчитавшего, что С. Ф. Стржелецкий, поднимая вопрос о датировке керамики, ставит под сомнение крымско-славянскую проблему в целом.

«Объяснительная записка к плану научно-исследовательской работы» СИА Крымского филиала АН СССР на 1950 г., подготовленная Е. В. Веймарном, касалась тематики работы и была составлена с учетом обстановки в науке и проблем, поднятых в докладе П. Н. Надинского. Проблема «Аборигенные населения Крыма в древности» была призвана «разрешить вопрос о происхождения и развитии коренного населения полуострова». Отмечалось, что «старая история и археология почти совершенно не уделяли этому вопросу внимания. В советский период до Великой Отечественной войны, этот вопрос также мало разрабатывался, так как темы древнего Крыма искусственно завуалировались, а подчас нарочито искажались татарскими буржуазными националистами. Только создание в 1948 году научно-исследовательской Базы АН СССР в Крыму сделало возможным планомерно начать разработку этой проблемы, создать в Крыму ведущее, руководящее начало, вокруг которого смогут объединиться исследователи Крыма, музейные работники и педагоги историки области». Включенная в состав проблемы тема «Скифы в Крыму» была рассчитана на срок до 1952 г. и должна была завершиться монографией, отражающей все основные вопросы истории скифов в Крыму. «Главным разделом должно быть освещение роли

Крымских скифов в процессе этногенеза славян и формирования древнеславянской культуры». «Решение скифского вопроса в истории Крыма поможет правильно подойти и к решению вопроса появления и существования древнегреческих поселений на берегах полуострова, исследование которых без глубокого понимания истории аборигенного населения будет односторонним». По теме «Славяне в Крыму» к 1952 г. также должна была быть написана монография, тематически сопряженная с монографией о скифах и являться ее логическим продолжением. «В этой работе на письменных источниках и памятниках материальной культуры должен быть разработан вопрос об этногенезе славян в Крыму и роли Крыма в общем процессе этногенеза восточных славян». Также отмечалось, что «для правильного изучения, актуального для русского Крыма, вопроса необходимы большие полевые археологические исследования целого ряда городищ и их могильников (в первую очередь городище в Коктебеле и в Суроже) и письменных источников — русских летописей и византийских писателей», а «разработка этой темы и нахождение в Крыму значительного количества реальных памятников материальной культуры славян полностью докажут положение о том, что Крым является издревле русской землей. Эти реальные материалы необходимы для культурно-просветительной работы в Крыму и для создания основных исторических музейных экспозиций в музеях Крымской области». Тема «История древнего и средневекового населения Крыма в антропологическом отношении» должна была «помочь в вопросе этногенеза племен и народов, населявших Крым... способствовать решению вопроса о том, какие племена и народы, какие социальные их прослойки придерживались обычаям искусственной деформации черепов».

Тему «Аборигенные культуры юго-западного Крыма» Е. В. Веймарн планировал завершить уже в 1950 г. Она касалась преимущественно вопросов истории крымского средневековья. В этой связи ученый отмечал, что «особенно вредны и тенденциозны две буржуазные концепции в отношении юго-западного Горного Крыма, возникшие еще в конце прошлого столетия это: 1. Стремление враждебных нам групп историков доказать, что в III в. готы-германцы проникли в Крым и овладели полуостровом. Остатки, якобы, этих готов просуществовали в Крыму до XVIII столетия; 2. Преклонение перед византийским влиянием на историю Крыма в результате чего, даже в работах некоторых советских ученых, это влияние и политическое господство Византии над горным Крымом изображалось как многовековое, безраздельное господство. До сих пор эти две вреднейшие концепции в научной литературе серьезно не разоблачены, поэтому еще очень часто в практике культурно-просветительной работы история Крыма эпохи средневековья освещается совершенно не верно» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 11–20).

Крымские археологи в период борьбы с «марризмом»

Подготовка «Очерков по истории Крыма» (объемом 10 п. л.) П. Н. Надинским решением Ученого совета Крымского филиала АН СССР в 1949 г. была выделена в отдельное мероприятие, рассчитанное на 1950–1951 гг. (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 89). В аннотации (безусловно, составленной самим П. Н. Надинским, но за подписью П. Н. Шульца) указывалось: «Создание научно-популярного очерка по истории Крыма диктуется насущной необходимостью. Население

Крымской области и, в первую очередь, переселенцы хотят знать историю края, в котором они живут и трудятся. У нас же сейчас нет ни одной книги, в которой было бы последовательно, в научно-популярной форме, освещено историческое прошлое Крыма с древнейших времен и до наших дней и которую можно было бы рекомендовать советскому читателю. В работах буржуазных историков при освещении истории Крыма допускались крупные ошибки и извращения фактического и методологического порядка. Как правило, история Крыма освещалась оторвано от истории русского государства, русского народа. Воссоединение Крыма с Россией расценивалась как колониционный захват русскими чужой, никогда, якобы принадлежащей им земли. В то же время обычно восхвалялась роль греков, римлян, генуэзцев, татар, турок. Особенно популяризировались так называемые «Крымские готы». К сожалению, эти ошибки и извращения еще до сих пор и некоторыми советскими историками, работающими над вопросами Крыма в прошлом. Поэтому издание научно-популярного очерка по истории Крыма, в котором история населения полуострова была бы изложена как неотъемлемое звено истории народов СССР, русского государства, является чрезвычайно важной задачей. Работа будет вестись в направлении суммирования всех последних научных исследований в областях касающихся истории Крыма».

П. Н. Надинский начал работу над монографией в мае 1950 г. К концу года первая часть книги, освещающая историю Крыма от палеолита до 1783 г., была уже готова. Предполагалось, что она ляжет в основу экскурсионной, лекционной и туристической работы, будет использована в качестве пособия по изучению истории края пропагандистами, агитаторами, учителями, преподавателями и студентами крымских вузов. (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 62). Новое издание должно было «иметь большое политическое значение для агитационно-массовой, краеведческой работы среди переселенцев. Очерки будут прививать любовь к Крыму у новоселов и воспитывать у них благородные чувства советского патриотизма» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 94–96).

В том же году была опубликовано 3-е переработанное издание научно-популярной книги П. Н. Надинского «Суворов в Крыму» (Крымиздат, 1950 г.) объемом в 5 п. л. Учитывая активность П. Н. Надинского, не приходилось сомневаться, что книга по истории Крыма будет закончена в срок.

Но 20 июня 1950 г. произошло неожиданное событие, потрясшее всю советскую гуманитарную науку. На страницах «Правды» И. В. Сталин выступил против «учения Н. Я. Марра», признав его не марксистским (Сталин 1950). Ученым-гуманитариям пришлось спешно отказываться от этого наследия (Юрочкин 2013: 399–400). По стране прошла волна «разоблачений» и «саморазоблачений» в научной среде (Алпатов 2004: 191–211; Тихонов 2016: 285–291). Одним из первых в процесс включился П. Н. Третьяков, подвергший критике за «марризм» ряд коллег, в том числе и П. Н. Шульца в связи с идеей происхождения крымских славян от скифов (Третьяков 1950: 17). Автохтонная линия происхождения славян от скифов фактически утратила право на существование.

Июньский 1950 г. выпуск литературно-художественного альманаха «Крым» вышел с опозданием, вероятно, из-за статьи П. Н. Шульца, подводившей итоги археологических исследований на полуострове за годы советской власти. Касаясь «пещерных городов», П. Н. Шульц все еще подчеркивал аборигенный характер оставившего их населения и отсутствие здесь следов готской культуры. Но, сообразуясь с велениями времени, уже сделал ряд выпадов в адрес

«вульгарной теории Н. Я. Марра о “стадиальности”» и в адрес позиции В. И. Равдоникаса (Шульц 1950: 154).

В отчете Сектора за 1950 г. отмечалось: «...громадное значение имеют исторические указания тов. Сталина, изложенные в его трудах по языкознанию. Эти указания имеют прямое, непосредственное отношение к разработке вопросов происхождения и развития племен и народностей древнего и средневекового Крыма, над которыми работает сектор. Работники сектора осознавали, что их неотложной задачей является критический пересмотр трудов по истории Крыма, в частности и работ сектора за предшествующие годы в свете положений, изложенных в произведениях И. В. Сталина о языке и языкознании. Антимарксистские положения, воспринятые из работ Н. Я. Марра, вульгаризация их, упрощение, догматизм и начетничество, имевшее место среди научных и популярных работ о Крыме, должны быть полностью искоренены в работах крымских историков и археологов. В связи с этим на юбилейной сессии организованной Крымским филиалом АН СССР в ноябре 1950 г., посвященной 30-летию установления Советской власти в Крыму, П. Н. Шульц прочел доклад “Историко-археологические исследования в Крыму за 30 лет”, в котором “были вскрыты извращения и ошибки в освещении истории Крыма, навязанные работами Марра, имевшие место в частности в статье В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья»» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 1, 2). Кроме того, П. Н. Шульц подготовил доклад в связи с публикацией статьи П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Третьяков 1950). В упомянутой статье П. Н. Третьяков раскритиковал позиции ряда авторов, писавших о скифах, в том числе и П. Н. Шульца. Последний, естественно, с критикой не согласился и готовил свой ответ оппоненту.

Одной из проблем крымской археологии было соотношение кизил-кобинской археологической культуры с историческими киммерийцами и таврами. Раньше данный вопрос, учитывая автохтонную парадигму развития народов Крыма, не имел принципиального значения. Однако теперь и он подлежал ревизии. Было предложено считать, что кизил-кобинская культура на Керченском полуострове связана с киммерийцами, тогда как на южном побережье и горном Крыму является отражением культуры ранних тавров. При этом высказывалось мнение «в пользу этнического родства тех и других» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 4).

В 1950 г. Инкерманской археологической экспедицией МПГК и КФ АН СССР под руководством Е. В. Веймарна и В. П. Бабенчикова на р. Черная в районе с. Хмельницкое произведены исследования могильника «Инкерман-II» (Чернореченского). Некрополь II–IV вв. был во многом близок Инкерманскому. Однако здесь помимо традиционных для Крыма ингумаций был обнаружен целый участок с кремациями, помещенными в лепные сосуды и амфоры (Бабенчиков 1963). Кремации III–IV вв. на полуострове уже находили в 1930-х гг. на м. Ай-Тодор. Но тогда этому необычному для Крыма обряду не придали особого значения, поскольку он был зафиксирован в непосредственной близости от стен римской крепости Харакс II–III вв. (Блаватский 1938). Несмотря на несколько более позднюю датировку, связь оставившего их населения с римлянами казалась очевидной.

Иное дело находки из Черноречья, сделанные в начале 1950-х гг. Особый интерес вызвал сероглиняный гончарный лощеный кувшин, аналогичный сосудам

черняховской культуры. Как представлялось, он указывал направление поиска истоков населения, оказавшегося в III–IV вв. в Инкерманской долине, и, конечно же, приводил в Поднепровье, в ареал черняховской культуры. В эти годы она считалась исключительно славянской, а ее носители практиковали как ингумацию, так и кремацию. В 1950 г. уже не имело смысла вписывать данные находки в «автохтонную схему». Казалось, что найдены самые ранние следы славян в Крыму, относящиеся как минимум к III в. Открытия в Черноречье вызвали интерес в Крыму и за его пределами. Репортаж о них был даже представлен на крымском радио.

Авторы научного отчета СИА КФ АН СССР за 1950 г. писали, что в результате раскопок в Инкерманской долине: «доказано: 1) наличие в юго-западном Крыму, в районе Инкермана и нижнего течения р. Черной могильников с находками вещей раннеславянского характера, посуды и изделий из металлов, тождественных с древностями антов Приднепровских районов (культура “полей погребенный”); 2) Доказано наличие в этих районах погребений с сожжением в урнах (поля погребальных урн близ с. Чернореченского). Эти данные ставят вопрос о связях населения Крыма с антами в дофеодальный период» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 5, 6). По мнению авторов раскопок «систематизированный материал позволяет установить теснейшие связи юго-западного Крыма с Приднепровьем в эпоху раннего средневековья и доказывает безусловное преобладание среди населения этих районов местного таврского и сармато-аланского элемента. Наличие находок в этих могильниках, генетически связанных с культурой поздних скифов, а также наличие вещей раннеславянского типа (в Инкерманском и Чернореченском могильниках) позволяют ставить вопрос о проникновении в среду позднескифского и раннеславянского элемента» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 9). По их заключению «могильник дает яркую картину социальной и имущественной дифференциации. Культура своеобразна. Она включает в себя вещи: позднетаврского, сармато-аланского, позднескифского и раннеславянского происхождения. Имеются и привозные вещи из Херсонеса. Особый интерес представляет поле погребальных урн (43 урны) и сосуды антского типа, тождественные раннеславянским, антским сосудам из полей погребальных урн Среднего Поднепровья. Могильник, таким образом, доказывает связи Крыма в III–V вв. н. э. с антами» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 29–30).

На территории г. Алушта в 1950 г. был обнаружен средневековый некрополь. Совместной экспедицией Алуштинского краеведческого музея и КФ АН СССР под руководством Н. В. Пятышевой, а затем Е. В. Веймарна произведены его раскопки. Обнаружены руины храма X–XII вв., а также плитовые погребения X–XVIII вв. Наиболее богатое погребение в церкви дало 86 золотых изделий в виде разнообразных подвесок и украшений тончайшей филигранной работы, найдено значительное число серебряных и бронзовых изделий и несколько монет. В 1951 г. раскопки продолжил Ю. В. Кухаренко (Махнева 1968: 160–166). Раскопкам данного объекта придавалось большое значение, поскольку он свидетельствовал, что «еще до появления здесь гетуэзцев имелось средневековое поселение с церковью и могильником местного населения», а сама «Алуштинская церковь имеет общие черты с Черниговскою Ильинскою церковью времен Киевской Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 33). Последнее замечание не случайно. С 1950 г. совместно с КФ АН СССР на полуострове начал работу Историко-архитектурный отряд Академии архитектуры УССР под руководством Юрия Сергеевича Асеева (1917–2005). Основной задачей отряда

было изучение связей средневековой архитектуры Крыма с архитектурой Киевской Руси (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 31). Помимо Алуштинской церкви и храмов на Коктебельском городище (Тепсень) обследовался прекрасно сохранившийся крестово-купольный храм Иоанна Предтечи в Керчи. Проведенные работы, как отмечалось, позволяли «выдвинуть вопрос о вкладе средневекового Крыма в процессы формирования архитектуры Киевской Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 34).

По окончании сезона итоги работ ТСЭ были представлены на Пленум ИИМК по итогам полевых исследований в 1950 г. При обсуждении докладов возникла дискуссия по вопросу оценки Коктебельского городища: является ли оно славянским поселением или относится к памятникам салтово-маяцкой культуры. Мнения разделились. Значительная часть выступавших, в том числе и Б. А. Рыбаков, все же поддержали В. П. Бабенчикова, отмечая, что «славянский материал в Коктебельском городище представлен» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 23–24), хотя было очевидным, что памятник лишь хронологически сопряжен со славянской эпохой. Но В. П. Бабенчиков решил не отступать от славянской атрибуции. В отчете по теме «Славяне в Крыму» указывалось: «Установлено распространение в Крыму, особенно в его восточных районах так называемой культуры “салтово-маяцкого типа”... поставлен вопрос о связи крымского варианта “салтово-маяцкой культуры” с аланами и россами. Доказано наличие в Херсонесе и Коктебельском городище славянского материала, свидетельствующего о наличии здесь славянского населения. Установлено наличие общих черт в храмах, открытых в Коктебеле, с памятниками храмовой архитектуры Киева и Чернигова. Археологические данные подкрепляют сведения письменных источников и данные топонимики о наличии росссов в Крыму» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6). Действительно, на Тепсене были обнаружены фундаменты большого христианского храма (превосходившего размерами Десятинную церковь в Киеве), датированного В. П. Бабенчиковым IX–X вв. н. э. Это позволило высказать мнение, что «здесь находится один из значительных центров восточного Крыма в период непосредственно предшествующий возникновению Тмутараканского княжества и его владений в Крыму (VIII–IX вв.)» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 34). Также обращалось внимание: «Выводы имеют не только научное, но и политическое значение, т. к. вводят в науку новый материал, доказывающий наличие в Крыму славянского населения в эпоху средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6).

Разъяснений, касающихся этнического состава населения Крыма, ждали и от антропологов. Эстафету исследований от В. Б. Бобина приняла м. н. с. СИА АН СССР К. Ф. Соколова, работавшая на постоянной основе под руководством известного советского антрополога проф. Г. Ф. Дебеца. На основании материала из захоронений, исследованных сотрудниками СИА АН СССР, они пришли к следующим выводам: «Таврское население с характерными широкоголовыми черепами, представленные в погребениях раннетаврского поселения близ Инкермана продолжает бытовать в районе р. Черной в первые века н. э. Таврский элемент представлен Чернореченском могильнике, в котором встречаются черепа сарматского облика с особенностями близкими к сарматскому населению нижнего Поволжья и Украины. Сходные группы прослеживаются в значительно позже в средневековых могильниках. Они генетически связаны с позднетаврским и позднесарматском населением Алушты и “Каламиты”. Однако в этих районах в это позднее время состав населения несколько более

сложен: небольшое количество черепов средиземноморского облика, очевидно — греков, а также круглоголовые черепа, связь которых еще не установлена. Монголоидных черепов во всех перечисленных могильниках не обнаружено. Вывод о том, что местное таврское и сармато-аланское население юго-западного Крыма и южного побережья, бытовавшее в первые века, смешиваясь между собой, продолжало существовать и в средневековое время. В какой мере в этом населении представлен скифский элемент установить пока еще не удалось» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6).

Следует также отметить, что все сотрудники СИА КФ АН СССР активно участвовали в лекционной и просветительской работе Общества по распространению политических и научных знаний. А лекция Э. И. Соломоник «Раскопки Неаполя Скифского — столицы скифского государства в Крыму» по инициативе общества даже была издана в виде отдельной брошюры (Соломоник 1950), став основным пособием для лекционной работы на данную тему. Таким образом, все открытия и гипотезы крымских археологов оперативно становились достоянием общественности.

Идею создания Института истории и археологии в составе Крымского филиала АН СССР не удалось воплотить в жизнь. Но статус все же был повышен: Сектор преобразовали в Отдел (ОИА КФ АН СССР). Во многом это было связано с задачами историко-археологического изучения трассы Северо-Крымского канала, который должен был служить для переброски днепровской воды из Украины на полуостров. Канал обеспечивал развитие сельского хозяйства в Крыму, а местным археологам давал возможность расширить территорию своих полевых исследований.

Некоторые изменения в этот период претерпели и направления работы, точнее не сами направления, а их формулировка. Количество проблем сократилось до двух: «Значение аборигенного населения в историческом развитии древнего и средневекового Крыма» и «История Советского Крыма». (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 1). Но и здесь не обошлось без проблем. В отзыве на план научно-исследовательских работ (равно как и рецензии на отчет СИА за 1950 г.) В. Н. Граков указывал на «неясность» выражения «аборигенное население», поскольку «скифы и тем более сарматы являются в Крыму в какой-то мере пришлым населением». Не вызвала одобрения и ставшая традиционной задача выяснения «значения культурного наследия крымских скифов в процессе формирования культуры восточных славян». Тема охарактеризована как «частная» (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 21). «Незначительность добытых до сего времени данных в этом направлении и весь ход пополнения сведений в этом смысле из одного археологического сезона в другой, скорее всего, говорят о ничтожном значении скифского периода в истории Крыма в этом отношении. Думаю, что такую задачу можно себе поставить только между прочим, не вводя ее в полной мере в аннотацию. Иначе это может оказаться обещанием без средств к его осуществлению. Скорее всего придется констатировать, что роль крымских скифов в формировании восточно-славянских племен незначительна, или равна очень малой величине» (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 22). П. Н. Шульцу пришлось отстаивать свою позицию (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1951). Л. 130–133).

Поскольку стадильно-автохтонистский подход (в частности, для решения «славянского вопроса») после развенчания теорий Н. Я. Марра уже не мог быть применен в полном объеме, тематика теперь строилась по хронологическому признаку и включала «Киммерийский и скифо-сарматский периоды истории

Крыма», «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму» (страна Дори, Сурож, Коктебель, Корчев, Тмутараканские владения в Крыму и т. д.) (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 1). К ним присоединялись работа по составлению истории Севастополя (сотрудниками группы истории) и исследования по трассе Северо-Крымского канала.

Особое внимание уделялось идеологической работе внутри научного коллектива. За год деятельность Отдела проверили четыре комиссии: Президиума АН СССР, Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и Крымского филиала АН СССР (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 2). Впрочем, ничего удивительного здесь не было. Борьба с «марризмом» развернулась по всей стране, а историкам — «бойцам идеологического фронта» уделялось особое внимание. Поскольку же «марризмом» была заражена вся гуманитарная наука (иного и быть не могло), ученые стремились поскорей отмежеваться от «вредных идей и извращений».

Еще в начале года доклад заведующего ОИА КФ АН СССР П. Н. Шульца «О некоторых вопросах истории племен и народностей Северного Причерноморья, в свете произведений И. В. Сталина «О марксизме и языкознании» был прочитан сначала на заседании Отдела, а затем на открытом заседании Ученого совета филиала. Поводом к докладу стала опубликованная ранее статья П. Н. Третьякова (Третьяков 1950). Доклад на аналогичную тему старшего научного сотрудника группы истории, канд. ист. наук Алексея Ивановича Неделина (перешедшего в КФ АН СССР на постоянную работу) «Историческое значение трудов товарища Сталина по языкознанию» был заслушан на расширенном заседании Президиума КФ АН СССР в связи с годовщиной опубликования работы тов. Сталина «О марксизме и языкознании» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 2).

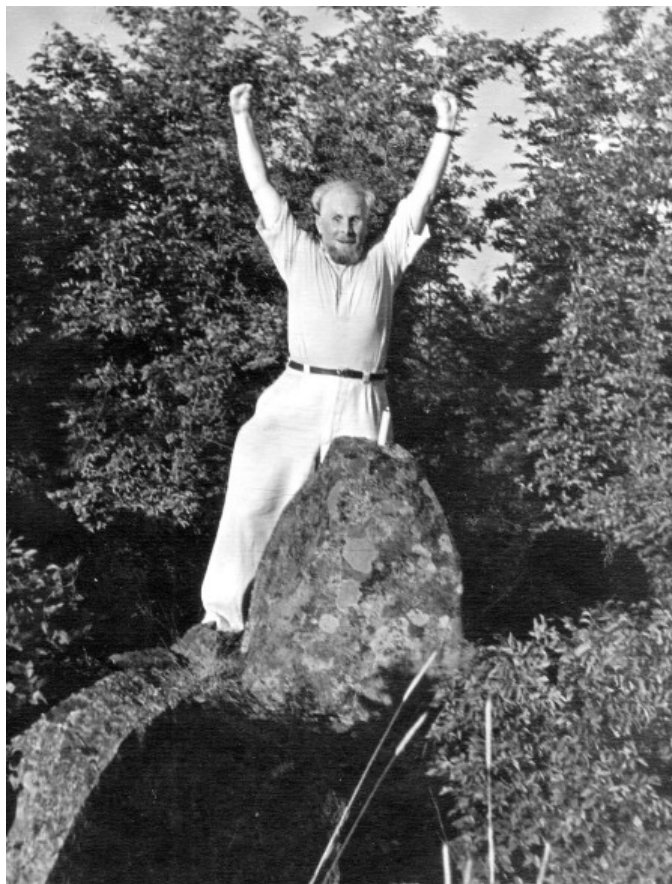
По инициативе ОИА КФ АН СССР в «целях развертывания творческих дискуссий» был проведен ряд совещаний историков Крыма, на которых выступили с докладами А. И. Неделин («Труды тов. Сталина о марксизме и языкознании и их значение для исторической науки») и Э. И. Соломоник («О скифском государстве»). Также прозвучал доклад Н. А. Константинова «Новые данные о происхождении древне-русской письменности» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 3).

Доклад историка А. И. Неделина дала повод к основательному спору по «крымско-славянскому вопросу». С. Ф. Стржелецкий, дискутируя с Л. И. Кондрашовым, настаивал, что отнюдь не согласен с мнением о скифо-славянском единстве. «Среди крупных советских ученых, — говорил он, — нет таких, которые утверждали бы, что скифы — предки славян. Не решен даже вопрос, единый или смешанный народ скифы (может быть даже конгломерат племен). Мы же в Крыму просто решили, что скифы — предки славян. Где найдет выступавший здесь т. Кондрашов вещественные доказательства того, что скифы — предки славян, что скифы — исконное население Крыма? Нет таких доказательств. Легко было тов. Кондрашову утверждать, что скифы — предки славян и русских, но он не доказал это положение... Надо отказаться от вульгаризированных, марровских позиций в скифском вопросе. Установка киммерийцы-скифы-славяне идет в разрезе марровской теории стадиальности. Положение о том, что Крым — исконно русская земля, основывается на неверной марровской теории стадиальности». При этом С. Ф. Стржелецкий утверждал, что он целиком поддерживает совершенно бесспорное положение — «Крым издревле русская земля», однако предлагает не навязывать, а изучать этот вопрос и разоблачить

тех, кто извращает его с точки зрения “марровских установок”» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 64, 65). К нему присоединился и С. А. Секеринский, доказывая, что «наблюдающееся среди историков Крыма чрезвычайное преувеличение и выпячивание истории полуострова является вульгаризацией. В трудах историков Крыма есть элементы “покровщины”, особенно в трудах популяризаторов. В частности в работах Надинского П. Н., особенно в “Очерках по истории Крыма” имеется преувеличение Крыма в истории юга, что является глубоко ошибочной точкой зрения, как с методологической, так и политической стороны. Нельзя упрощать и вульгаризировать исторический процесс, как это делал Покровский. Вопрос о связях славян со скифами требует тщательного изучения и дополнительного письменного и вещественного материала, особенно письменного» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 65). У Е. В. Веймарна также возник целый ряд замечаний к положениям «Очерков...», в частности в связи с ролью и периодизацией скифского государства. Он обратил внимание, что в настоящее время существуют три основные точки зрения по поводу «крымско-славянского вопроса»: «1. Славяне зафиксированы как колонисты в Крыму с IX в. (старая теория); 2. Славяне происходят от скифов (точка зрения, усиленно разрабатываемая крымскими учеными-историками); 3. Славяне проникают в Крым в период раннего средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 66, 66). Что касается последнего, то Е. В. Веймарн предлагал усматривать проявления материальной культуры славян в Инкерманской долине (предметы черняховской культуры и трупосожжения) и в захоронениях из Суук-Су (фибулы так называемого «днепровского типа»). В заключение заседания П. Н. Шульц отмечал: «Нельзя упрощать историю. Никогда не говорили историки... о мощной праславянской державе в лице скифского государства... имело место постепенное широкое расселение славянских племен в Северном Причерноморье и в Крыму... Необходимо... научные предположения подкреплять новыми вещественными доказательствами. Ученым не следует забывать, что наука требует доказательств. Среди историков Крыма есть такие, работы которых содержат элемент ура-крымского патриотизма, как здесь верно отмечали выступавшие. Эти историки злоупотребляют термином “Крым — искони русская земля”. Все это вредит делу правильного освещения и разработки вопросов истории Крыма. Вопрос о прогрессивном характере воссоединения Крыма с Россией связан с активно обсуждаемым на сегодняшнем заседании вопросом о связи славян со скифами. Президиум АН СССР подтвердил, что Крым — издревле русская территория. Если признать это положение правильным, то справедливо и воссоединение Крыма с Россией в конце XVIII в. Правда большим недостатком обсуждения и изучения этих вопросов является то, что подняты и разрабатываются силами крымских ученых. Это создает односторонность в решении вопросов. В скором времени состоится археологическое совещание в Крыму, на котором будут присутствовать академик Греков и д. и. н. Третьяков. Тогда они лицом к лицу столкнутся с теми идеями и научными предположениями, которые выдвинуты и разрабатываются историками Крыма, т. е. выросли на местах. Надо тщательно подготовить изложение новых точек зрения. Следует твердо понимать, что участие крымских ученых-историков на предстоящем совещании является первым выходом на линию огня, на борьбу за защиту справедливых исторических идей. На пути подготовки к совещанию надо тщательно вскрыть и ликвидировать пережитки марризма среди историков Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 68).

В необработанной части личного архива П. Н. Шульца, хранящегося в ИАК РАН, находится рукопись доклада «О статье П. Н. Третьякова “Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании”» (далее — Шульц 1951). Вступить в заочную дискуссию заставил не только тот факт, что П. Н. Шульц с подачи П. Н. Третьякова попал в число приверженцев «учения Марра». В своей программной статье П. Н. Третьяков отказался рассматривать скифские племена Крыма и всего Левобережья Днепра в качестве участников этногенеза восточного славянства, называя подобные версии порождениями «стадиальных» построений Н. Я. Марра. Вопрос о «местных процессах формирования славянства был снят одним росчерком пера», проще говоря — перечеркивались итоги многолетних работ коллектива, возглавляемого П. Н. Шульцем. Проигнорировать ситуацию, конечно, было нельзя. Как указывалось прежде, П. Н. Шульц когда-то сам критически относился к идее скифо-славянского родства, точнее, к упрощенческо-вульгаризированному толкованию проблемы. Когда вопрос не стоял столь остро, П. Н. Шульц публично не озвучивал свою позицию либо делал это с большой осторожностью. Но теперь ситуация касалась целого направления научной работы ОИА КФ АН СССР, поскольку в связи с публикацией трудов И. В. Сталина «одной из самых неотложных задач изучений истории Крыма является разработка и решения о том какую роль племена и народности, населявшие древний и средневековый Крым сыграли в процессах формирования южных ветвей славянства. Стоял ли Крым, как это утверждают некоторые исследователи, в стороне от великого процесса образования русского народа или же нет» (Шульц 1951: 1). От наследия «учения Марра» П. Н. Шульц, конечно же, сразу отстранился. В очередной раз критически высказавшись по поводу известной статьи В. И. Равдоникаса, не преминул заметить, что и сам П. Н. Третьяков (Третьяков 1941; 1948) в прежних работах был не чужд идеям «марризма» и «стадиальности». Кроме того, он несколько раз менял свои позиции о территориальных очагах формирования древнего славянства, хотя теперь окончательно перешел на позиции миграционизма (Шульц 1951: 10–15). Особое неприятие вызвала позиция П. Н. Третьякова относительно этнического состава населения Скифии, вся восточная часть которой была отнесена к ираноязычному кочевому миру, т. е. не могла быть причислена к протославянскому. П. Н. Шульц писал: «Нарисованная П. Н. Третьяковым картина упрощает, а поэтому и искажает историческую действительность. Здесь мы сталкиваемся с традиционным противопоставлением Запада и Востока. Западная Скифия это протославянский-земледельческий мир, связанный по Третьякову с Средней Европой, а Восточная Скифия это и разноязычный, кочевой мир, связанный с Азией и впоследствии влившийся в гуннский массив и в другие союзы азиатских племен. Рубежом этого оседлого Европейского и полуазиатского кочевого мира, по Третьякову, является Днепр. Так ли было на самом деле?» (Там же: 19). С этим можно еще было согласиться, когда речь шла о Скифии времен Геродота, но ведь в Крыму с III–II вв. до н. э. обитало земледельческое оседлое население, к тому же имевшее свое государство, которое «является древнейшим государством из созданных народами нашей страны на территории Восточной Европы» (Там же: 25). «Государство поздних скифов имело свою экономическую базу, оно опиралось на земледельческое производство многочисленных скифских селищ Крыма, Приднепровья и Приазовья, оно имело обширную систему укреплений как в Крыму, так и на Днепре

и просуществовало по меньшей мере пять веков, о чем достаточно ясно говорит археологический материал, подкрепленный нумизматическими данными. Состав племен, входивших в государство поздних скифов был, по всей видимости, значительно более однородным, чем при Атее. Территория государства была меньшей и в нем, безусловно, доминировали скифские племена, языки которых превратились в диалекты, мало по малу, вероятно уступали место формирующемуся общенародному скифскому языку. В позднюю скифскую пору, очевидно, шел процесс объединения скифских племен в скифский народ», — отмечал П. Н. Шульц, при этом указывал: «Когда встает речь об истоках государственности и культуры восточных славян отмахиваться от местного наследия, в частности от наследия скифо-сарматской эпохи, как это делает П. Н. Третьяков в своей последней статье, не следует» (Там же: 27–30). В докладе подчеркивалось: идея скифо-славянского родства среди ученых Крыма, вопреки мнению П. Н. Третьякова, не навеяна старыми работами И. Е. Забелина и Д. И. Иловайского, а уж тем более не связана с воззрениями Н. Я. Марра, рассматривавшего скифский мир как единое «яфетическое» целое, с высшими слоями, подвергшимися иранизации. В действительности она основывалась на авторитетном мнении М. В. Ломоносова, наряду с трудами которого «работы И. Н. Забелина, В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына по скифскому вопросу заложили основание тем точкам зрения на вопросы происхождения скифских племен и восточного славянства, которые противостояли и противостоят теориям монгольского и иранского внеевропейского происхождения скифов. Русская наука, начиная с Ломоносова в скифском вопросе стояла впереди западной науки и ее положительные достижения и боевые патриотические традиции в частности и в данном вопросе, образуют золотой фонд советской исторической науки» (Третьяков 1951: 30–32). Не приемля исключительно миграционный подход в решении крымско-славянской проблемы, П. Н. Шульц настаивал: «Прав ли П. Н. Третьяков, считая, что славяне осваивали черноземные области юго-востока нашей страны, в частности и Таврический полуостров только в порядке военной колонизации вооруженных до зубов дружин, за которыми следовали северо-славянские племена. Не было ли не только на севере и западе, но и на юге и юго-востоке Восточной Европы очагов формирования восточного славянства, в частности и в первую очередь росов. Не свидетельствуют ли об этом многочисленные данные топонимики. Ведь именно на юге и юго-востоке Восточной Европы больше всего наименований “Рось”, “Руссия”, “Россика”, “Русская река”, “Русский пролив”, “Русское море”. Пришли ли Россы с севера? Быть может росы формировались не на севере, а на юге и юго-востоке нашей страны, в частности и там, где впоследствии прочно обосновалась Азово-Черноморская Русь с Тмутараканским княжеством. Не создали ли в первую очередь и именно росы, наряду с другими племенами и народами этих районов, местные предпосылки для последующего успешного расселения славянства в районе Приазовья, Тамани и Крыма» (Шульц 1951: 40). «Надо надеяться, — заключал П. Н. Шульц, — что... новый, обильный фактический материал и его осмысление, в свете положений тов. Сталина о языке и языкознании, внесут существенные коррективы в точки зрения П. Н. Третьякова на роль скифских и сарматских племен в этногенезе восточных славян, в частности антов и россов» (Там же: 33). Учитывая наличие в рукописи ссылок на литературу, надо думать, что данный доклад П. Н. Шульц предполагал опубликовать, чего, однако, не произошло.

Павел Николаевич Шульц на празднике в крымских горах (НА ИАК РАН)

В феврале 1951 г. Крымским филиалом АН СССР совместно с Крымским областным отделом культурно-просветительной работы была проведена сессия, посвященная итогам археологических исследований 1950 г. в Крыму. В отличие от сессий прошлых лет, здесь не было докладов по глобальным вопросам истории полуострова. Ученые ограничились сообщениями об исследованиях конкретных памятников: Инкерманского и Чернореченского могильников и крепости Каламита (Е. В. Веймарн), Коктебельского городища (В. П. Бабенчиков), Илурата (В. Ф. Гайдукевич), Киммерика (Л. И. Чуистова), хоры Херсонеса на Герacleйском полуострове (С. Ф. Стржелецкий), Неаполя Скифского (П. Н. Шульц и А. Н. Карасев), таврского поселения в Инкерманской долине (Х. И. Крис), таврского поселения на г. Кошка, позднескифского городища «Красное» (О. И. Домбровский), Керкинитиды и Калос-Лимена (М. А. Наливкина), Асандрова вала (И. И. Бабков), средневекового храма и могильника в Алуште (Н. В. Пятыева). Средневековые храмы Иоанна Предтечи в Керчи, алуштинский и коктебельский, в свете генезиса древнерусской архитектуры стали предметом доклада Ю. С. Асева.

В упомянутом докладе В. П. Бабенчикова отмечались своеобразие обнаруженных на Тепсене «древнейшего» (VII–VIII вв. н. э.), «большого» (VIII–IX вв. н. э.) и «позднейшего малого храма с сырцовой апсидой» (X в. н. э.), принадлежавших, по мнению автора, «местному населению». Ставился вопрос о наличии в составе населения городища «славянского и аланского элементов» и о их соотношении в крымском варианте салтово-маяцкой культуры. При этом звучал вывод о том, что «до образования на Тамани и в Восточном Крыму Тмутараканского княжества на территории Восточного Крыма имело место славянское население, быть может связанное с россами». Само же поселение «являлось крупным торговым и культурным центром Восточного Крыма, непосредственно предшествующим образованию Тмутараканского княжества» и синхронным ему (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 11, 48).

В подготовленной Е. В. Веймарном итоговой работе по теме «Аборигенные культуры юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья», над которой ученый работал все эти годы, рассматривались вопросы археологии средневекового населения района «пещерных городов». Как и стоило ожидать, «разоблачалась» (преимущественно в декларативной форме) «ложная теория о якобы крупной роли готов в истории раннесредневекового Крыма», а также «ошибочная теория о преобладающей роли Византии в исторических судьбах местного населения Горного Крыма в эпоху раннего средневековья». Феномен «пещерных городов» предлагалось рассматривать с точки зрения «внутреннего процесса возникновения и развития феодальных отношений в местной среде, но не как следствие постройки Юстинианом якобы “Византийской линии обороны”». (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 13–14). Если причина критических высказываний в адрес одиозного «готского вопроса» вполне очевидна, то неприятие Е. В. Веймарном роли Византии в судьбах жителей предгорного Крыма обусловлено давней дискуссией. Начало ей положил спор Н. Л. Эрнста и Н. И. Репникова относительно приоритетов исследования Эски-Кермена в конце 1920-х гг. В этом противостоянии, подчас принимавшем жесткие формы, на стороне Н. Л. Эрнста (настаивавшего на византийской атрибуции памятника) выступала Крымская комиссия ГАИМК (М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская и др.), а Н. И. Репникова (защищавшего готскую, т. е. местную, версию «нового Дороса») поддерживал В. И. Равдоникас — тогда начинающий археолог (Юрочкин 2017: 249–285). Цепная реакция от этого, казалось бы, второстепенного эпизода научной полемики известна: В. И. Равдоникас выступил с программным докладом, критикующим всю дореволюционную археологию за ее немарксистские подходы (Равдоникас 1930). Следствием стала кардинальная перестройка всей советской археологической мысли начала 1930-х гг. Впоследствии заочная дискуссия продолжилась, и «чаша весов» склонялась то в сторону «византинистов» (М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), то в сторону «автохтонистов» (Н. И. Репников, В. И. Равдоникас). Закономерно, что Е. В. Веймарн, многолетний участник Эски-Керменской экспедиции, принял сторону своего покойного учителя Н. И. Репникова. Учитывая тенденции в науке второй половины 1940-х гг. (господство «марризма», борьба с космополитизмом и т. п.), «антивизантийская» позиция вновь укрепила позиции. При этом Е. В. Веймарн явно тяготился «готским наследием» в области своих научных интересов, а поэтому вслед за своим учителем В. П. Бабенчиковым выдвинул «новое толкование вопроса об этнической принадлежности могильника близ Артека (быв. Суук-Су)», прежде считавшегося эталонным памятником «области Крымских готов»

(Репников 1906; 1907). Е. В. Веймарн обращал внимание, что «в могильнике найдено свыше 30 пальчатых фибул, которые проф. Б. А. Рыбаков связывает с антами» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 14; Рыбаков, 1948: 57–70).

Таким образом, был «поставлен вопрос о проникновении славянского антского элемента в юго-западный Крым, в частности на южное побережье» и «намечена картина перехода от рабовладельческого строя, от государства поздних скифов к зарождению до-феодальных и феодальных отношений» в регионе (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 14). Выполненная Е. В. Веймарном работа должна была лечь в основу «перестройки экспозиции по раннему средневековью в музеях Пещерных городов и в других музеях Крыма», а также дать материал для лекционной и экскурсионной работы по данной теме.

Ученые ОИА КФ АН СССР сознавали: крушение «марризма» и версии прямой преемственности скифов и славян отнюдь не означали свертывание поисков древнеславянских древностей на полуострове. Пусть не аборигенных, пусть пришлых, но реальных славян. Недавние находки из Инкерманской долины, как казалось, давали к этому веские основания. Теперь к ним прибавились и древности типа Суук-Су.

Сходные суждения демонстрировала и антрополог К. Ф. Соколова, работавшая с материалами из раскопок могильников юго-западного Крыма. Они относились к периоду от первых веков н. э. до позднесредневековых серий черепов из некрополя крепости Калимита в Инкермане. «Население юго-западного Крыма времени раннего средневековья, — отмечала исследовательница, — по своим морфологическим признакам имеет большое сходство с населением Крыма первых веков н. э., чем с позднесредневековым населением. В позднесредневековых могильниках поздне-таврский, поздне-сарматский и поздне-скифский этнические типы уже отсутствуют, однако отдельные антропологические признаки этих типов в различных сочетаниях между собой — прослеживаются. Это доказывает, что процесс формирования поздне-средневекового населения базировался на остатках раннесредневекового и древнего населения Крыма. Налицо признаки смешения и скрещивания поздне-таврских, поздне-скифских и поздне-сарматских этнических групп. Таким образом, население юго-западного Крыма в поздне-средневековое время в антропологическом отношении дает крайне сложную картину длительных этнических скрещиваний... Черепов готского облика в краниологическом материале средневекового Крыма из раскопок последних десятилетий, не обнаружено. Имеющиеся антропологические данные опровергают ложное представление о преобладании византийского и готского населения в юго-западном Крыму в эпоху средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 16). Обращает внимание тезис о «смешении и скрещивании», о сложном этническом составе населения. Вероятно, такой подход стал своеобразной реакцией на неопределенность в отношении групп населения, отношение к которым менялось по конъюнктурным соображениям. Этот тезис в скором времени переняли и археологи в отношении формирования археологических культур и стоящих, как казалось, за этим этнических процессов. Обычно за основу принимались некие «этнически значимые признаки», будь то характерные формы керамики, типы погребальных сооружений, формы обряда и т. д. Далее из них путем «скрещивания» складывалась этноисторическая мозаика, претендующая на объективность. Появлялись гибридные формы этнонимов типа тавро-скифы, скифо-сарматы, сармато-аланы, гето-даки и т. д. Если некоторые из них (например «тавро-скифы») имели соответствия

в письменных источниках древности, то другие носили условный, искусственный характер. Но со временем и они стали восприниматься как объективная этноисторическая реальность.

Вот как, например, реконструировал этническую историю обитателей Инкерманской долины Е. В. Веймарн: «Культура этого населения, как очевидно и этнический его состав являлись результатом многовекового процесса этнического скрещивания и культурных взаимодействий коренных жителей горного Крыма — тавров с племенами и народами остального Крыма и Северного Причерноморья — скифами, сарматами, аланами и может быть и антами... но преобладала и господствовала культура местная — сармата-аланская. За последнее говорит и наиболее распространенный тип погребений — подбойная могила. Возможно, что здесь, в процессе ассимиляции различных племен и их культур, происходило и скрещивание языков, и что у населения Инкерманской долины во II–IV вв. н. э. а возможно и позднее преобладал аланский язык, так как “при скрещивании (языков), — как об этом говорит И. В. Сталин (Марксизм и вопросы языкознания), один из языков обычно выходит победителем”. Победу аланского языка, во всяком случае в данной местности, косвенно подтверждает сообщение епископа Феодора (XIII в.), который будучи в Херсонесе, встретил недалеко от него значительное количество алан и, будучи сам по происхождению аланом, объяснялся с ними на их языке» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1951). Л. 16–17).

Развенчание «марризма», долгие годы загонявшего советских гуманитариев в «прокрустово ложе» автохтонных схем, большинством ученых, надо думать, было воспринято положительно. Сообразуясь с духом эпохи, научные сотрудники спешили откеститься от «вредных идей», хотя и понимали, что в силу обстоятельств все они недавно были «марристами», кто в большей, кто в меньшей степени.

Важным направлением политико-воспитательной работы среди жителей страны была популяризация знаний в русле новых взглядов, освященных авторитетом И. В. Сталина. В 1951 г. началось издание сборника «По следам древних культур» под редакцией Г. Б. Федорова. Сборник должен был демонстрировать важнейшие открытия советских археологов, культурное соцветие древних народов на территории СССР. В первый же выпуск был включен очерк «Неаполь Скифский», подготовленный П. Н. Шульцем в соавторстве с женой и соратницей Валентиной Алексеевной Головкиной. В работе в популярной форме излагалась история открытия Неаполя Скифского, работ Тавро-Скифской экспедиции и т. д. Представлен общий очерк истории скифского государства и культуры Крыма. И только в конце статьи, фактически вне связи с предыдущим текстом, декларировалось: «Но особенно важно то, что в характере скифских поселений и жилищ, в погребальном обряде (обычай хоронить в курганах и закалывать боевого коня), в скифских росписях, в предметах ремесла, в частности в посуде, деревянной резьбе, орнаменте, в одежде, мы находим все больше и больше общих черт с культурой и бытом древних славян. Становится все яснее и яснее, что скифские земледельческие племена, наряду с другими народностями и племенами Восточной Европы, сыграли свою роль в процессах формирования восточного славянства и что древнерусская культура вовсе не создана варягами или пришельцами из Византии, как об этом твердили заграничные псевдоученые. Русские народность и культура имеют глубокие местные корни, уходящие в глубь веков, и тут уместно вспомнить слова М. В. Ломоносова о том, что среди “древних родоначальников нынешнего российского народа... скифы не последнюю часть составляют” (Шульц, Головкина 1951: 167–168).

Выше речь шла о научных позициях крымских ученых, высказанных в рукописях или в докладах на сессиях по истории Крыма. К сожалению, печатных трудов сотрудников ОИА КФ АН СССР за этот период было издано крайне мало, и результаты работ не могли оценить коллеги. А в данном случае мнение ученых, прежде всего из столичных научных учреждений, было крайне важно. Собранные и подготовленные к печати рукописи Трудов сессий по истории Крыма, переданные в ИИМК на рецензирование, пролежали там полтора года без движения. Ситуация изменилась только после того, как в 1951 г. рукописи были переданы новым рецензентам, профессорам А. П. Смирнову и В. Ф. Гайдукевичу, к концу года приславшим в КФ АН СССР свои отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 31).

В. Ф. Гайдукевич, рецензировавший статьи сборника «Трудов сессии по истории Крыма», посвященные античному периоду и смежным вопросам (Г. Д. Белова «Эллинистическая мозаика в Херсонесе», Н. В. Пяташевой «Скифы и Херсонес», Н. Н. Погребовой «Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского», М. М. Худяка «Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939–1941 и 1946–1948 гг.», О. И. Домбровского «Деревянный саркофаг из мавзолея скифского Неаполя», В. В. Познышева «Природные условия Неаполя Скифского», Н. А. Троицкого «Растительный покров территории Неаполя Скифского» и А. Ф. Слудского «Древние долины Салгира»), в целом оценил их положительно и, сделав замечания преимущественно технического характера, рекомендовал к печати (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 93–104).

Павел Николаевич Шульц (слева) и Олег Иванович Домбровский (справа). Херсонес. 1957 г. (НА ИАК РАН)

Иначе дело обстояло со статьями, касавшимися «узловых вопросов истории Крыма» и попавшими на рецензию А. П. Смирнову. Свою статью, посвященную реконструкции оборонительной системы Эски-Кермена, Е. В. Веймарн снабдил пространном предисловием, касающимся основных вопросов средневековья в Тавриде, отметив, в частности, «ошибочность в трактовке готского и византийского вопросов во многих исторических работах». Однако рецензент хотя и согласился с данным положением, постановку проблемы, изложенную в статье, назвал «упрощенной и поверхностной». Между тем, писал А. П. Смирнов, «после выхода в свет работы товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” нельзя расценивать положительно труд В. И. Равдоникаса “Пещерные города Крыма и готская проблема”, написанный на основе нового учения о языке акад. Н. Я. Марра. Нет никаких оснований эту глубоко порочную работу называть “интересной” — “интереснейшей» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 85). В то же время А. П. Смирнов отрицательно оценил гиперкритичную позицию Е. В. Веймарна в отношении крымских готов: «Отбрасывая мнения о наличии готов в Крыму и необоснованно заявляя: “Мы считаем, что с готским вопросом необходимо раз и навсегда покончить. Раз нет в Крыму памятников материальной культуры и следов языка, которые можно отнести к готам, значит таковых в Крыму, как народа никогда и не было”, автор никак не оценил ни свидетельства Рубрука, ни автора XVI в. (в рукописи пробел — вероятно, О. Бусбека. — Авт.), отметивших среди многих языков Крыма и готский. Эти сведения свидетельствуют о том, что какая-то небольшая группа готов сохранилась в то время. Точно также поверхностно дана критика положений, связанных с ролью Византии в Крыму». В итоге рецензент рекомендовал данный раздел перенести во введение к сборнику и ни в коем случае не основываться на «антиисторической работе В. И. Равдоникаса». Вторую же часть, касающуюся непосредственно стен Эски-Керменского городища, признал интересной, весьма необходимой и рекомендовал к публикации. Не вызвала возражений и вторая статья Е. В. Веймарна, посвященная раскопкам Инкерманского могильника в 1948 г. (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 86–87).

Статья С. А. Секеринского «Сурож и задачи его исследования», по мнению рецензента, «хотя и не вносит ничего нового в наши знания по истории Суροжа, заслуживает опубликования, как ставящая ряд вопросов истории этого города в связи с историей Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 88).

Критике подверглась и статья В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму». Как и в случае с работой Е. В. Веймарна, А. П. Смирнов счел, что анализ привлеченных письменных источников «сделан поверхностно, а выводы слабо аргументированы». «Нельзя признать удачным разбор термина “Рус”; нельзя согласиться с положением, что понятие тавро-скифы идентично понятию русские; нельзя признать правильным разбор средневековых сказаний о человеческих жертвоприношениях и делать отсюда вывод о родстве тавров с русскими». «Недостаточными» и «противоречивыми» признаны также выводы, сделанные на основании археологического материала. В заключение А. П. Смирнов сделал вывод: «Являясь сторонником точки зрения о раннем проникновении славян в Крым, на что указывает ряд фактов, в частности Инкерманский могильник и некоторые вещи из Коктебельского городища, я не думаю, что рецензируемая работа В. П. Бабенчикова внесет ясность в этот вопрос. Учитывая большую политическую актуальность этой проблемы и некоторую спорность ее, считаю, что выступать в печати можно только с хорошо обоснованными и документированными

положениями. В таком виде опубликовать статью В. П. Бабенчикова нельзя» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 88, 89).

Выводы, предложенные П. Н. Шульцем в статье «Кизил-Кобинская культура и вопрос о ее связях с поздними киммерийцами и ранними таврами», были признаны убедительными, за исключением тезисов об отношении тавров к славянскому этногенезу и близости кизил-кобинской культуры к лужицкой культуре (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 90). Не вызвали возражений и положения статей Х. И. Крис «Поселение Кизил-Кобинской культуры в балке Ашлама-Дере» и «Раннее таврское поселение в Инкермане по раскопкам 1948 года»; С. Н. Бибилова «Основные вопросы первобытной истории Крыма», а также работа В. Ф. Гайдукевича «Археологические исследования Илурата» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 89–91).

Если суммировать сказанное, выяснялось: при всей важности и значимости проведенных исследований наиболее острые для древней истории Крыма «готский» и «славянский» вопросы далеки от разрешения, особенно теперь, после разрушения автохтонно-марровской парадигмы. Декларации и широкие обобщения, не подкрепленные источниками и конкретным материалом, все меньше воспринимались наукой. А ведь именно на них и была построена первая часть книги П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма».

Между тем, к концу 1951 г. П. Н. Надинским была завершена рукопись 1-й части «Очерков...». Как отмечалось в Отчете ОИА КФ АН СССР, «в очерках дано развернутое обоснование исторического права русского народа на Крым, как на свою исконную землю». Работа обсуждалась на заседании ОИА и была прорецензирована рядом крымских историков. Кроме того, с ней ознакомились академик Б. Д. Греков и секретарь Крымского отдела культуры ВКП(б), канд. ист. наук В. А. Горин. Со стороны всех участников обсуждения были даны положительные отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 20–22).

При всем при этом было очевидно, что в освещении вопросов истории и археологии Крыма накопилось множество проблем и противоречий, расхождений позиций между крымскими учеными и их коллегами из ведущих центров страны, особенно в период борьбы с «марризмом».

Славяне в Крыму: попытка нового подхода

Официальные документы ОИА КФ АН СССР нигде не упоминают еще об одной научной работе, подготовленной с участием Е. В. Веймарна. История, развернувшаяся вокруг нее, хорошо характеризует противоречия между крымскими учеными в период «борьбы с марризмом» и поиск новых путей решения «славянского вопроса» (Юрочкин 2013: 401; 2015). Обнаруженные в Инкерманской долине С. Ф. Стржелецким, Е. В. Веймарном и В. П. Бабенчиковым предметы черняховского типа и кремации позднеантичной эпохи давали основания утверждать: данные артефакты свидетельствуют о проникновении на полуостров славянского населения из Поднепровья на рубеже античности и средневековья. До 1950 г. подобная «миграционистская» трактовка казалась невозможной. Теперь же некогда осужденное «буржуазное течение» вновь обрело право на существование. Свои соображения по данному вопросу С. Ф. Стржелецкий и Е. В. Веймарн изложили в работе «К вопросу о славянах в Крыму», подготовленной сверх плана ОИА КФ АН СССР. Статья, минуя

обсуждение с коллегами по Отделу, была направлена авторами в журнал «Вопросы истории» для публикации. Несмотря на новаторский подход к трактовке «славянской проблемы» и аргументы, по тем временам казавшиеся довольно вескими, идею публикации статьи или даже доклада П. Н. Шульц воспринял холодно и настороженно. Дело в том, что помимо концептуально-содержательной части там присутствовала открытая критика в его адрес, обвинения в приверженности «марризму». Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, удачно выбрав момент, направляли огонь критики не только против руководителя крымской археологии, но и против П. Н. Надинского, завершавшего работу над своими «Очерками...». Адресат был выбран не случайно. В это время редколлегию «Вопросов истории», ведущего печатного органа советских историков, возглавлял П. Н. Третьяков, в начале года критиковавшийся П. Н. Шульцем. Несмотря на это, П. Н. Шульц 3 августа 1951 г. отправил в редакцию журнала письмо, в котором назвал статью «голословно-декларативной», и «недобросовестной», корректно предположив, что если она все же будет опубликована, предоставить ему, Шульцу, возможность на страницах того же издания высказать свои соображения и замечания. Публикацию статьи удалось приостановить, но теперь Е. В. Веймарну и С. Ф. Стржелецкому предстояло обсудить ее содержание с крымскими коллегами и всеми заинтересованными лицами. Доклад под названием «О роли славян в истории Крыма» в рамках совещаний историков при ОИА КФ АН СССР был запланирован на 9 января 1952 г., но был заменен докладом А. И. Неделина «Труды И. В. Сталина по языкознанию и их значение в развитии исторической науки» и перенесен на 12 марта. Но докладчики не склонны были дожидаться положенного срока. Внеплановое совещание историков было назначено на 23 января и должно было состояться не в помещении ОИА КФ АН СССР, а малом зале Парткабинета Симферопольского горкома ВКП(б). Дело в том, что на заседание авторы планировали пригласить более двухсот человек: сотрудников музеев, архивов, преподавателей школ, техникумов и вузов, представителей крымского отделения Союза советских писателей (РО НА ИАК РАН. Ф. «Е. В. Веймарн». Д. 5. Л. 26, 34).

Совершенно очевидно, что докладчики рассматривали его не просто как отчет о научной работе, а как важное общественно-политическое мероприятие. Доклад прочел С. Ф. Стржелецкий. В своем выступлении он привел три основных мнения о славянах в Крыму.

Согласно первому, славяне пришли в Крым в IX–X вв. Это мнение докладчик назвал устаревшим и свойственным «буржуазной исторической науке», хотя и поддерживаемым отдельными советскими учеными (например А. Л. Якобсоном). «Диаметрально противоположная точка зрения (автохтонное происхождение славян в Крыму), — говорилось в тезисах доклада, розданных участникам, — оформилась в послевоенные годы среди некоторых историков и археологов Крыма. В свете этой концепции древнее население Крыма — тавры и скифы — превращаются в славяне и русь. Эта точка зрения является конкретным проявлением вульгаризаторских, упрощенческих взглядов Н. Я. Марра, перенесенных из языкознания в область истории. Эта точка зрения развивалась П. Н. Шульцем, который и по настоящий день не признал своих ошибок в этом вопросе». Далее докладчики предлагали свою версию. По их мнению, археологический материал дает основания говорить о расселении славян в Крыму только с III в. Об этом свидетельствуют материалы, прежде всего, Инкерманского и Чернореченского могильников, где обнаружена черняховская

Обсуждение было крайне эмоциональным. Мнение докладчиков, основанное на миграционной версии появления славян в Крыму, безусловно, было интересным и заслуживающим внимания. Но дело, конечно, было не только в представлении новой версии. Возможно, самым значимым для присутствующих пунктом было прямое обвинение П. Н. Шульца в «марризме». Первым в прениях по докладу выступил П. Н. Надинский, доказывая, что «т. т. Веймарн и Стржелецкий не справились с задачами, стоявшими перед ними». Он все еще продолжал держаться за автохтонную версию, искренне недоумевая: если историки до сих пор не отрицают, что приднепровские скифы участвовали в формировании славянства, так почему же нужно отказываться в этом скифам крымским. Его поддержал и О. И. Домбровский. Он назвал затеянную дискуссии неподготовленной, а в отношении С. Ф. Стржелецкого даже выразил сомнение в его патриотичности, в том, что он искренне поддерживает «положение, что Крым издревле русская земля», а заключительная фраза доклада — это просто умелая маскировка и сам «Стржелецкий этому не верит». Пришлось высказаться и самому П. Н. Шульцу. Он признал, что у него имели место ошибки, он действительно назвал Неаполь «Новгородом Русским», а Коктебельское поселение — славянским. Но затем исправил эти положения. Он и не утверждал, что в Крыму скифы сыграли ведущую роль в формировании славянства, они лишь «внесли свой вклад» в этот процесс, а уж тем более не считал, что славяне автохтонно возникли в Крыму. Хотя П. Н. Шульц и охарактеризовал доклад как недостаточно глубокий, но счел его своевременным и необходимым. С заключительным словом выступил С. Ф. Стржелецкий. По его мнению, дискуссия удалась, и он добился своего. Обращаясь к П. Н. Шульцу, он заявил: «Павел Николаевич, вы правильно признали свои ошибки. Ваши ошибки и есть марризм. Из одного народа не может возникнуть другой народ. Вы фактически являетесь марристом». Е. В. Веймарн выступать не стал, а лишь присоединился к мнению автора. Для него первоочередной задачей было привлечь внимание к новому археологическому материалу, позволяющему решить «славянский вопрос», а не накалять вокруг него обстановку (Там же. Л. 27–30).

Среди еще ждущих обработки рукописей личного архива П. Н. Шульца присутствуют листы с заметками к докладу С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна «О славянах в Крыму», составленными к январскому совещанию. Были ли они озвучены на заседании, сказать сложно, но они глубже официальных протоколов раскрывают суть возникших противоречий и всю сложность и даже трагичность ситуации, в которой оказался П. Н. Шульц в эти годы. Выясняется, что Павел Николаевич данное выступление воспринимал как маневр, предпринятый не с целью оживления научной дискуссии, а призванный отстраниться от марризма и объявить его приверженцами своих оппонентов. Он писал: «При этом ясно и другое, что меня Стржелецкий и Веймарн пришили к докладу, чтобы бить по другой цели, которую из трусости докладчики не решаются назвать», а доклад «ничто как артоподготовка для предстоящего нападения на “Очерки по истории Крыма”», которые в феврале 1952 г. планировались к изданию. Но эти завуалированные нападки на П. Н. Надинского и его книгу несправедливы и являются нападками не столько на него, сколько «на ту благородную и открытую борьбу, которую последовательно и неутомимо, еще с довоенных времен ведет Павел Наумович Надинский...». Но из дальнейших записей следует, что и П. Н. Шульц против полного отождествления своей позиции с высказываниями П. Н. Надинского, допустившего в своей работе «перегибы», в частности

абсолютизовавшего свою формулу «Крым — исконно славянская земля». Ведь для ученых это была всего лишь гипотеза, а автор «Очерков...» преподнес ее как решенный вопрос, некую истину, не требующую обсуждения. Однако для аргументации еще нет достаточного материала, поэтому она и выглядит декларативной и уязвимой для критики. Эта якобы доказанная формула, по мнению руководителя крымских археологов, «ослабляет энергию исследователей». Об этом П. Н. Шульц уже говорил в прежние годы, но не был услышан. Таким образом, ученый попытался дистанцироваться от явного «марризма» П. Н. Надинского. Появление новой работы о славянах именно сейчас, в разгар борьбы с «марризмом», Павел Николаевич также связывал с прежними позициями авторов. «Они заключаются в том, что испуг Веймарна, в прошлом приверженца Равдоникаса, перед Марром и желание Стржелецкого следовать за Третьяковым привел их к переоценке миграционных построений, к утверждению что скифы и славяне, наряду с сарматами и аланами пришли в Крым...» (Юрочкин, Емельянова 2012: 73–75; Юрочкин 2015).

«Очерки по истории Крыма» и Сессия 1952 г.

Еще осенью 1951 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б) П. И. Титов направил в Отдел науки при ЦК ВКП(б) докладную записку, связанную с имевшими место «извращениями в освещении истории Крыма», в основе которой, вероятно, был упоминавшийся, хотя и не изданный доклад П. Н. Надинского двухлетней давности. Реакцией стала записка на имя М. А. Сулова, подготовленная в начале 1952 г. сотрудниками Отдела. В ней предлагалось опубликовать в журнале «Вопросы истории» (редактором которого являлся П. Н. Третьяков) статью с анализом состояния исторической науки на полуострове и задачами разработки истории Крыма (Тихонов 2016: 300–301). Естественно, чтобы правильно разрешить эти проблемы, было бы недостаточно заочного обсуждения. Безусловно, назрела необходимость встречи крымских и ведущих столичных ученых в рамках крупного научного мероприятия.

В разрешении назревших вопросов крымской истории или, по крайней мере, их обсуждении были заинтересованы и сами ученые, и партийное руководство области. Поэтому по инициативе Обкома ВКП(б) было принято решение о созыве в 1952 г. «совещания по вопросам истории Крыма с участием ведущих историков страны, для борьбы с извращениями в истории Крыма». ОИА КФ АН не только поддержал идею мероприятия, но и инициировал постановку вопроса о созыве в Крыму в 1952 г. третьей Всесоюзной конференции археологов СССР, приуроченной к 125-летию юбилею открытия Херсонеса и Неаполя. На конференцию помимо отечественных археологов планировалось также пригласить коллег из стран народной демократии (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 103–109, 125–129; Д. 13 (1951). Л. 57).

Уже в начале 1952 г. ОИА КФ АН СССР под руководством П. Н. Шульца активно включился в работу по подготовке сессии по истории Крыма. Общая направленность сессии была очевидна: следовало отмежеваться от наследия «марризма» и определиться, на каком методологическом базисе строить дальнейшее изучение актуальных вопросов, включая «скифский», «готский» и «славянский». Конечно, здесь нельзя было обойтись без критики и самокритики, а также без привлечения к обсуждению ученых из ведущих научных центров

страны. Вопреки ожиданиям, предполагалось, что программный доклад «О задаче изучения истории Крыма в Советский период» сделает не руководитель ОИА, а П. Н. Надинский. Сам же П. Н. Шульц взял на себя более частное выступление «Об ошибках в освещении истории скифов». Было также решено поручить доклад по «славянскому вопросу» Е. В. Веймарну. А вот освещение политического аспекта готской проблемы решил взять на себя П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 17–19).

В январе 1952 года Крымиздат подписал к печати первый том «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского. Саму книгу можно было бы охарактеризовать как нечто среднее между учебником и научно-популярным изданием. Но парадокс в том, что работа была, по сути, первой за весь послереволюционный период попыткой освещения истории Крымского полуострова с древнейших времен до 1917 г. Несомненно, такой широкий исторический охват не мог не импонировать потенциальным читателям, что повышало степень доверия к авторскому видению проблем.

Как и следовало ожидать, П. Н. Надинский в преамбуле к очеркам критиковал «буржуазных» историков, главная ошибка которых заключалась в том, что в их трудах «история Крыма рассматривалась и освещалась оторвано от истории народов СССР, точнее — от русской истории» (Надинский 1951: 23). Хотя имя Н. Я. Марра уже не упоминалось, представленная П. Н. Надинским модель исторического развития народов Крыма подавалась в соответствии с автохтонной парадигмой, касающейся, в том числе, и скифо-сарматского родства. Вот как ее понимал автор: «Скифы, по свидетельству Геродота, сами себя называли Сколотами. Некоторые ученые-лингвисты видят в корне “скло” корень слов “склавины”, “словены”, “славяне”»; «...славянские племена известны были под именем сколотов, склавинов, споров (Прокопия), спалов (Иордана) и антов»; «среди предков славян были и скифские племена, и тавроскифы, жившие на Крымском полуострове» (Там же: 23–45). «Некоторые лингвисты», это, конечно же, Н. Я. Марр и его последователи, упоминание имен которых без должной критики было уже неуместно.

П. Н. Надинский не обошел вниманием и готов. Но это уже не «автохтоны Равдоникаса», характеризующие некую «стадию» крымской истории, а чуждые пришельцы, которых следует «поставить на место». В этой части работы прозвучал тезис о «растворении и ассимиляции» мигрантов коренными жителями, в данном случае — тавро-скифами, о чем писал в неопубликованной статье В. П. Бабенчиков. Вслед за П. Н. Шульцем автор «Очерков...» рубежным этапом назвал гуннское вторжение IV в., которое привело к гибели скифского государства и оттеснению тавро-скифов к горам. В результате этого у местного населения стали развиваться феодальные отношения, которые иллюстрируют «пещерные города». Правда, автор допускал, что «среди оседлого населения, кроме тавроскифов, находились родственные им племена, оттесненные к горам Крыма кочевыми ордами, в частности, аланы» (Там же: 40). И все же, по его мнению, «крымские готы» лишь историографический миф — дело рук германского нацизма. «Вот эту-то группу наемников-готов, осевшую в Крыму и полностью растворившуюся среди местного населения, немецкие буржуазные историки и их подпевалы пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить “народом”, якобы “оплодотворявшим” своей готской культурой население Крыма. Больше того, они приписывали этой группке готов создание самостоятельного в Крыму государства, которое будто бы просуществовало здесь вплоть до XIV–XV вв.

и даже далее... Советскими историками сказки о «крымских готах» полностью разоблачены. Но все же кое-где на страницах исторических работ по старой литературной традиции до сих пор проскальзывают неверные взгляды по вопросу о «крымских готах» (Там же: 43). Высказывания П. Н. Надинского подкупают честностью. Он не маскировался под «академизм» и четко излагал суть проблемы в духе настроений и задач времени. «Византийцы содержали здесь (в Крыму. — Авт.) свои вооруженные отряды и, несомненно, пресловутые «крымские готы», пользовавшиеся заботой и вниманием императора, являлись наемниками Византии, выступая против тех, кто восставал против византийского господства» (Там же: 44). Отсюда следовало: готы не только наемники-чужеземцы, но и классовые враги — пособники эксплуататоров в лице «византийского империализма». Несмотря на приверженность скифо-славянской концепции, автор выделял крымско-славянский вопрос в отдельный раздел. На первый взгляд это кажется несколько искусственным. Но ведь первоначальная работа базировалась на автохтонной теории, а в новых условиях кроме теорий и деклараций следовало подтверждать ее конкретным материалом. В археологии таких фактов было пока немного, и П. Н. Надинский иллюстрировал свою книгу керамикой из Чернореченского могильника, почему-то проигнорировав инкерманские находки (Там же: 46–48, рис. 18–20). Публикуя фото черняховского кувшина, П. Н. Надинский замечал: «...коренные жители Крыма сумели сохранить свои отличительные черты в общественно-культурном развитии, роднящие их со славянами Приднепровья», а следовательно, «наши предки славяне, начиная со скифской поры вплоть до татарского нашествия, беспрерывно проживали в Крыму» (Там же: 48).

Читателю «Очерков...» следовало сделать однозначный вывод: Крым изначально принадлежал славянам и их предкам, крымские готы — выдумка буржуазных историков и германских нацистов, а выселение захватчиков-татар является не только политической необходимостью, но и «торжеством исторической справедливости». Остается добавить, что за «Очерки по истории Крыма» П. Н. Надинскому без защиты диссертации ученым советом Института истории АН СССР была присуждена степень кандидата исторических наук (Петров, Шамко 1982: 124). Однако в действительности книга среди ученых была принята не столь благожелательно.

Если с «готским вопросом» было все более или менее ясно, он оставался предметом критики, то в «славянском вопросе» к весне 1952 г. четко наметились два: традиционный «автохтонный» и новый «миграционный». Заочно дискуссия уже началась и, как указывалось, переходила на личности. Вероятно, большинство специалистов осознавало, что версия о пришлых славянах выглядит куда более аргументируемой и доказуемой, нежели скифо-славянская, основанная на допущениях и точках «соприкосновения». К тому же последняя явно отдавала «душком марризма». П. Н. Шульц оказался в сложном положении: на протяжении четырех лет возглавляемый им коллектив занимался поисками местных основ славянства. Отказ от всех результатов исследовательской работы мог иметь самые негативные последствия как для ОИА, так и для него лично. С другой стороны, продолжать держаться автохтонных взглядов означало бы заявить себя как убежденного «марриста». Одно было не лучше другого. Ограничиться выступлением о действительно явных достижениях в области скифской археологии Крыма явно не получалось. Поэтому в преддверии сессии историков, намеченной на конец мая, следовало продумать свои позиции для

публичного обсуждения, расставить соответствующие акценты. Учитывая научное и политическое значение общего собрания, было решено перед началом работы издать типографским способом тезисы важнейших докладов.

Для сотрудников ОИА наиболее актуальным был доклад заведующего отделом, который он предлагал назвать «О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма». Учитывая противоречивость ситуации, П. Н. Шульц предполагал представить в докладе критический анализ прежних позиций, показать, что изучать ведущую роль местного населения не означает быть «автохтонистом», при этом акцентировать внимание на реальных достижениях сотрудников отдела. П. Н. Шульц отмежевывался от утверждения, что скифы являются протославянскими племенами, а отмечавшиеся прежде сходные черты в культуре тех и других есть свидетельство их родства, и вообще высказывал сомнение в возможности решения проблем этногенеза археологическими методами. Участвовавший в обсуждении сотрудник ОИА И. В. Новиков из группы истории напрямую попросил П. Н. Шульца высказать личную точку зрения по «славянскому вопросу». Тот ответил: «Я считаю, что в Крыму не происходил этногенез славян. Славяне проникли в Крым в ранний период. Но этногенез славян не было» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 65 об.). Поднимался вопрос и об аборигенах — таврах. Можно ли считать их единым народом со скифами (тавро-скифами)? «Утверждение, что тавры есть скифы — неверно, — ответил П. Н. Шульц, — тавры были ассимилированы скифами в первые века н. э.» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 65 об.).

Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (далее — Сессия), открывшаяся в Симферополе 23 мая 1952 г., была одной из кампаний, направленных на очищение гуманитарных направлений советской науки от пережитков «марризма» (Брайчевский 2002; Ломакин 2009б). К сожалению дискуссии этого периода по сугубо научно-теоретическим вопросам зачистую становились полем для борьбы между различными научными школами, отдельными авторитетными учеными за приоритеты и т. п. Методы такой борьбы не всегда имели строго академический характер. Но в Крыму была своя специфика. Отдельная научная школа здесь еще не сформировалась, ученые находились в стадии поиска, особых противоречий со столичными центрами тоже не наблюдалось, а потому повода к разгрому целого структурного подразделения АН СССР не было. И так уж сложилось, что квинтэссенцией всех исследований крымских археологов последних лет стал соответствующий раздел книги малоизвестного в академических кругах, по сути, краеведа-самоучки П. Н. Надинского. Тот факт, что публикационная активность других сотрудников (на основе исследований которых формировал свои позиции П. Н. Надинский), включая и руководителя П. Н. Шульца, в эти годы была довольно скромной, в какой-то мере спасал ситуацию. С другой стороны, основной позицией, высказанной в «Очерках...», был вполне конкретный политический лозунг: «Крым — исконно русская земля». Поэтому осудить концепцию книги в целом значило бы отвергнуть и его. В условиях того времени вряд ли кто-либо на это решился бы.

В период борьбы с «марризмом» на первые роли в советской археологии, в частности, в связи со «славянским вопросом», вышел Б. А. Рыбаков. По мнению В. В. Тихонова, это объясняется тем, что именно Б. А. Рыбакову наиболее удалась попытка на археологическом материале обосновать замечание И. В. Сталина о курско-орловском и полтаво-киевском секторах формирования

древнерусской народности путем привязки к древностям «венедов и антов» — черняховской культуре, полянам и роси (Тихонов 2016: 292–293, 255–297). Но в этой конструкции (Рыбаков 1952в) вовсе не находилось места древним крымским славянам, равно как и теории происхождения славян от скифов. Именно Б. А. Рыбакову и было поручено на предстоящей Сессии направить крымскую археологию в правильное русло.

Сессии придавалось большое значение не только в Москве, но и на местном уровне. Мероприятие проходило под эгидой первого секретаря Крымского обкома П. И. Титова. Чтобы с положениями, выдвигаемыми к обсуждению, ознакомилось наибольшее число жителей полуострова, Крымиздат еще до ее открытия отпечатал тезисы основных докладов тиражом в 800 экземпляров каждый. А накануне сессии в газете «Крымская правда» (печатном органе Крымского обкома ВКП(б)) за 21 мая 1952 г. была опубликована статья Б. А. Рыбакова, указывающая на ошибки в освещении истории Крыма, допущенные П. Н. Надинским и его непосредственным руководителем П. Н. Шульцем. Свои замечания Б. А. Рыбаков развил на Сессии в докладе «О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма» и в докладе «Славяне в Крыму и на Тамани». К сожалению, стенограммы самих докладов отсутствуют, а в переплетенном томе материалов Сессии, хранящемся в библиотеке ИАК РАН (далее — Стенограмма 1952), в обоих случаях сделаны приписки: «Стенограмма доклада Б. А. Рыбакова докладчиком не выправлена и не возвращена...» (Стенограмма 1952: 8). Вместо них вшиты тезисы, отпечатанные Крымиздатом типографским способом (Рыбаков 1952; 1952а).

Б. А. Рыбаков, конечно, не отрицал давних и прочных связей Северного Причерноморья и Крыма со славянскими, а затем и древнерусскими областями Приднепровья и Подонья, но настаивал, что до «той поры, пока у восточных славян не сложилось своего мощного государства, способного разбить Хазарию и обуздать кочевников, нельзя было говорить о прочных взаимоотношениях между Крымом и всей Русью» (Стенограмма 1952: 6). Т. е. реальный отсчет времени таких взаимоотношений обозначался примерно периодом Тмутараканского княжества X–XII вв. Что же касается предыдущих эпох, то ставить вопрос, так как это делали крымские историки, выводя крымских славян от скифов, по его мнению, абсолютно неправильно, и эти ошибки связаны, в первую очередь, с «учением Н. Я. Марра», а также с позицией В. В. Мавродина, изложенной еще до войны (Мавродин 1939). «К сожалению, — отмечал докладчик, — эти вредные взгляды нашли себе место и в работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского. В «Очерках по истории Крыма» П. Н. Надинского, вышедших в свет после трудов т. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», проводится ошибочный марровский взгляд на превращение скифов и тавроскифов в славян» (Рыбаков 1952а: 11; 1952б: 3–6). Что же касается реальных археологических свидетельств появления славян на полуострове, Б. А. Рыбаков предпочел говорить примерно о III в., «когда они стали одним из компонентов крымского населения» (Рыбаков 1952а: 6; 1952б: 14). Тем самым он фактически поддержал миграционную версию С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна.

На следующий день было предоставлено слово П. Н. Шульцу. Смысла защищать автохтонистско-марровские построения, конечно, не было. Оставалось лишь констатировать порочность «упрощенческих теорий» Н. Я. Марра о «стадиальных перевоплощениях» на основе «скрещиваний», путем «взрыва», путем «скачка», в результате «чудодейственного превращения одних племен

и народов в другие» и признать тот факт, что «делать выводы об этнической принадлежности того или иного племени или народности, исходя только из археологического материала, без учета имеющихся письменных свидетельств, языковых и антропологических данных — нельзя» (Стенограмма 1952: 79, 80). Относительно ставшей теперь одиозной формулы «скифы — предки славян» приходилось признать, что она «ошибочна, так как исходит из двух неверных предпосылок: о том, что скифские племена, якобы, являются хронологическими предшественниками славянских племен и о том, что на основании только археологических памятников можно делать вывод об этническом родстве тех и других» (Там же: 85). Однако, стараясь объяснить мотивы появления такой формулы в Крыму и почти безусловное ее принятие местными историками и археологами, П. Н. Шульц обращал внимание на то, что она не столько родилась из учения Н. Я. Марра, сколько стала продолжением традиционной отечественной историографии и берет начало в трудах М. В. Ломоносова, И. Е. Забелина, В. В. Хвойко и т. д. (Мавродин 1941: 7), а многие из присутствующих на сессии (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков) также ранее высказывались в подобном ключе (Стенограмма 1952: 97–98). Выступающий полностью присоединился к критике «Очерков...» П. Н. Надинского, опубликованной на страницах «Крымской правды», пожелав, чтобы последний поскорее «от этих ошибок отказался», хотя и не считает их «вредными», полагая, что в дальнейших исследованиях следует уделять еще больше внимания роли местных племен Крыма (Там же: 100–101).

П. Н. Надинского в какой-то мере поддержал заведующий Сектором скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР А. П. Смирнов, выступивший в прениях по докладу Б. А. Рыбакова. Но сделал он это скорее в плане патриотических настроений крымского коллеги, но никак не концепции скифо-славянского родства. Нисколько не отрицая отмеченных Б. А. Рыбаковым ошибок, среди которых наиболее существенной казалась прямая линия происхождения славян от скифов, А. П. Смирнов со свойственной ему корректностью предлагал выход из создавшегося затруднительного положения: «Древние славяне (культура полей погребений. — Авт.), попав в северную часть степной и Левобережной Украины, встретили там сарматские племена, с которыми и ассимилировались... общение между этими племенами привело к появлению общих черт культуры... хотелось бы обратить внимание на то, что древние славяне, попав в III–IV вв. в южный Крым и на Тамань, оказались в другой среде, которая оказала влияние на дальнейшее сложение их культуры» (Там же: 41–44). Несмотря на находки Инкерманской экспедицией отдельных сосудов черняховской культуры и трупосожжений, ученых, надо думать, все же смущала их немногочисленность и в целом иной облик культуры, распространенной на полуострове, не свойственный «классическому» славянскому миру.

Слово для ответа получил и П. Н. Надинский. Вопреки ожиданиям, он не спешил оправдываться и «саморазоблачиться», хотя, вероятно, впервые оказался в роли критикуемого. П. Н. Надинский честно объяснил, что присутствующие в его работе положения — это отнюдь не результат приверженности «марризму». Просто это реакция на тенденциозную и «антирусскую» подачу фактов из истории полуострова учеными прошлого, неприемлемую в советском Крыму, большинство населения которого составляют переселенцы-славяне. Павел Наумович закончил свою пламенную речь словами: «Мы должны повести решительную борьбу против холодного и равнодушного изложения исторических фактов. Идеиная направленность, большевистская партийность должны быть

непременным правилом в нашей научной работе. Все мы должны работать так, как нас учит великий Сталин!» Последовали аплодисменты (Там же: 135–150; Колтухов, Юрочкин 2004: 115–117; Юрочкин 2017: 393–395). Нетрудно заметить, что выступление по духу и текстуально во многом напоминает упоминавшийся доклад «Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков», прочтенный им в период борьбы с космополитами. Как бы там ни было, но и в период борьбы с «марризмом» П. Н. Надинский остался верен своим принципам в понимании «высших» исторических истин, хотя его позиции теперь уже явно ослабли.

В связи с «готским вопросом» интересно выступление К. Ф. Соколовой. В основном оно традиционно сводилось к несоответствиям антропологических серий древних германцев и средневековых жителей Крыма. Но некоторые эмоциональные пассажи ее выступления характеризуют общий тон и стиль собрания. Они проявились, например, в оценке результатов раскопок упоминавшегося средневекового могильника Алушты в 1951 г. (Махнева 1968: 160–162). Оказывается, автор раскопок Ю. В. Кухаренко в отчете о могильнике, предоставленном в Алуштинский музей, назвал его «готским». Из доклада следовало, что Ю. В. Кухаренко был просто обязан пересмотреть вопрос об этническом составе раннесредневековых жителей окрестностей Алушты, а не объявлять его готским. В результате — обвинение: «Укоренившееся мнение, унаследованное от буржуазных историков и археологов, мешает углубленному научному исследованию истории Крыма и направляет историков по ложному пути», поскольку «исследуемые нами черепа принадлежат не готскому, а сармато-аланскому населению» (Стенограмма 1952: 45). Оставались, правда, письменные источники о крымских готах. Докладчик предлагала не менее оригинальный выход из этой неудобной ситуации: ведь можно допустить, что эти готы не были германцами, представителями «северо-европейского типа». Тут же выяснялось: характерный для некоторых черепов из Крыма «центрально-европейский брахикранный (широкоголовый) тип широко распространен по всей центральной Европе. Он встречается в Румынии, Албании, Болгарии, Боснии, Герцеговине (т. е. в дружественных странах народной демократии) и составляет один из основных компонентов южных славян, прослеживающийся также в могильниках Крыма...» (Там же: 45–47).

Председательствующий на заседании академик Б. Д. Греков (он был знаком с рукописью «Очерков...» еще до их публикации и в какой-то степени нес за них ответственность) в заключительном слове занял достаточно мягкую позицию по отношению к П. Н. Надинскому и его книге. Он справедливо отметил: «Все мы хорошо понимаем, что проблема Крыма — это не просто краеведческий вопрос, что Крым в истории нашей Родины играл и играет большую роль, что от освещения различных сторон истории Крыма зависят и ответы на многие вопросы истории всей нашей страны» (Там же: 321). Поддержав критический доклад Б. А. Рыбакова, обозначившего перспективы дальнейшего поиска следов славян в Крыму, он обратил внимание на еще недостаточную разработанность в науке проблем, связанных со скифами и их происхождением, похвалив П. Н. Надинского за его жесткую позицию по отношению к «готскому вопросу» (Там же: 322–328). Свою речь академик закончил словами: «Как справедливо здесь указал П. Н. Надинский, у нас не должно быть деления на москвичей, ленинградцев и крымчаков. Мы все дети нашей общей советской Родины, мы все работаем для ее процветания, и этот лозунг всех объединяет (Там же: 329).

После окончания работы 25 мая 1952 г. Сессия приняла решение, в котором, в частности, отмечалось: «Новым замечательным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является гениальный труд И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, представляющий боевую программу для всех работников идеологического фронта, в том числе для советских историков... Задачей настоящей сессии... является координация работ всех советских историков и археологов, исследующих историю Крыма, подведение итогов проделанной работы, выявление путем критики и самокритики ошибок и недостатков в работе и преодоление этих ошибок для обеспечения правильного марксистско-ленинского изучения истории Крыма, как неотъемлемого звена истории СССР, и прежде всего русской истории... Крымские археологи приступили к изучению важной проблемы — истории проникновения славян в Крым, установив наличие славянских памятников в Крыму уже III–IV вв. н.э... В изучении истории Крыма наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–VI вв. незначительную часть пришлого населения Крыма постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего “готского государства”. Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас)... В научной и популярной литературе встречалось преувеличение исторической роли Византии (А. Л. Якобсон), хазар (М. И. Артамонов), гуннцев, татар и турок... Особенно большой вред изучению истории Крыма нанесла антимарксистская теория Н. Я. Марра, подменившая конкретный исторический процесс развития народов вульгарно-схематической “стадиальностью”. Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов (Н. С. Державин, М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков и др.). В опубликованных в 1950–1951 гг. работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян» (Там же: 333–337). Отмечалась необходимость на «основе глубокого изучения разоблачать фальсификацию истории готов, как варианта реакционной норманнской теории», а также ставилась задача «широко и разносторонне изучить историю проникновения славян и славянских поселений в Крым». Предполагалось «развернуть работы Тмутараканской экспедиции по изучению славянских древностей Таманского полуострова и Крыма» (Там же: 338–339). Тезис о малочисленности пришлых готов и их культурной ассимиляции местными жителями, звучавший на сессии, на долгие годы стал основной формулой при подходе к «готскому вопросу», своего рода новой парадигмой. Не оставили без внимания и, мягко говоря, спорную книгу П. Н. Надинского, рекомендовав КФ АН СССР совместно с ИИМК и Институтом истории АН СССР «подготовить на основе учета критических замечаний и рецензий второе издание “Очерков по истории Крыма”» и «просить академика-секретаря Отделения Истории и Философии АН СССР академика Б. Д. Грекова выделить в помощь автору П. Н. Надинскому специального консультанта по древней и средневековой истории Крыма» (Там же: 340).

Послесловие

В результате компании борьбы с «марризмом» никто из крымских археологов фактически не пострадал, если не считать запутанной истории с участием П. Н. Надинского и Е. В. Веймарна, надо полагать, имевшей опосредованное

отношение к борьбе за лидерство в изучении «славянского вопроса» (Юрочкин, Емельянова 2012; Юрочкин 2013: 404).

Как бы там ни было, но в разрешении проблемы появления славян в Крыму миграционная парадигма окончательно возобладала. Вызвавшая столь бурную дискуссию статья «К вопросу о славянах в Крыму» в конце 1952 г. все же была опубликована в журнале «Вопросы истории» (Веймарн, Стржелецкий 1952).

Поскольку сколь-нибудь значимые следы древних славян отыскать в Таврике так и не удалось, центр по изучению вопроса о причерноморских славянах и Руси переместился в Москву. В 1952–1955 гг. экспедицией под руководством Б. А. Рыбакова были начаты планомерные раскопки Таманского городища — летописной Тмутаракани (Чхаидзе 2008: 10). В Крыму же активно продолжалось изучение позднескифских и средневековых древностей, уже без оглядки на их связь со славянским миром. Созданная П. Н. Шульцем научная школа до сих пор существует на полуострове.

В 1953 г. умер И. В. Сталин, а через год Крымская область была передана в состав Украинской ССР. Вскоре коллектив крымских археологов в прежнем составе продолжил работу в составе Института археологии АН УССР, пользуясь в научном плане определенной автономией (Баран, Беляева та ін. 1994: 96). В результате упразднения Крымского филиала АН СССР задача изучения истории полуострова как неотъемлемой части русской истории утратила свою значимость. Постепенно сошла на нет и проблема поиска древних славян в Крыму. Хотя ее отголоски еще слышались в конце 1950-х гг., но звучали они уже не столь актуально (Веймарн 1957). Тем не менее, решения Сессии 1952 г. по «готскому вопросу» определяли отношение к проблеме как минимум до начала 1990-х гг. По иронии судьбы при смене научных парадигм в этот период и последовавшем затем возвращении готов на этноисторическую карту полуострова немалую роль сыграли открытие Инкерманской экспедицией в 1948–1950 гг. следов некоего северного миграционного потока, связанного с черняховской культурой, а также новая этнокультурная атрибуция кремаций Ай-Тодорского некрополя (Колтухов, Юрочкин: 2004: 137–186; Юрочкин 2017: 420, 439).

Литература и архивные материалы

- Айбабин А. И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ 2, 43–51.
- Акимченков В. В. 2012. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев, Симферополь: Антиква.
- Александров Г. Ф. 1948. Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // Вопросы философии 3, 176–178.
- Алпатов В. М. 2004. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука.
- Альтман В. 1945. Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал 5, 88–95.
- Аморт Ч. 1966. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР 2, 163–188.
- Амосова А. А. 2016. Политические репрессии в Крымском партийном аппарате конца 1940-х — начала 1950-х годов: хронология, историография, источники // Непомнящий А. А. (ред). Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 19–28.

- Андросов С. А. 2004. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма 6–7, 171–180.
- Бабенчиков В. П. 1963. Чорноріченський могильник // АП УРСР 13, 90–123.
- Баран В. Д., Беляева С. О. та ін. 1994. 60 років Інституту археології НАН України. Київ: Київська Академія Євробізнесу.
- Бертъе-Делагард А. Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК 57, 1–108.
- Блаватский В. Д. 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932, 1935 гг. // ВДИ 2(3), 321–335.
- Бойцов М. А., Васильева Т. А. 1998. Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. М.: МГУ.
- Брайчевський М. Ю. 2002. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica 1, 175–184.
- Брун Ф. К. 1880. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России 2. Одесса, 189–241.
- Бубенок О. Б. 2004. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина.
- Буров Г. М. 2006. Энциклопедия крымских древностей. Киев: Стилос.
- Быковская Н. В. 2001. Фондовые коллекции Керченского музея во второй половине XX века // Иваненко П. И. (ред.). 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 2001, 114–117.
- Вакатова Л. П. 2006. Судьба семьи «врага народа» // Удовина О. М. (ред.). Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым 3. Киев; Симферополь: Антиква.
- Васильев А. А. 1921. Готы в Крыму // Известия РАИМК 1, 1–80.
- Васильев А. А. 1927. Готы в Крыму // Известия ГАИМК 2, 179–282.
- Васильченко А. В. 2008. Оккультный миф III Рейха. М.: Яуза-Пресс.
- Веймарн Е. В. 1948. Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. и Приложение к отчету об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1947 г. (РО НА ИАК РАН). 32 л.
- Веймарн Е. В. 1957. Крим у середні віки // Бібіков С. М. (ред.). Нариси стародовньої історії Української РСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 580–597.
- Веймарн Е. В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР 13, 15–42.
- Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. 1952. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ 4, 94–99.
- Виноградов Ю. А. 2012. Страницы истории Боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917) // БИ 27.
- Гадло А. В. 2004. Предыстория Приазовской Руси: очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: СПбГУ.
- Гедеонов С. А. 1862. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки Императорской академии наук 1.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврида.
- Греб В. І., Супруненко О. Б. 1991. Археолог Олександр Тахтаї. Полтава: ПКМ.
- Гриневич К. Э. 1927. Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). Севастополь: Государственный Херсонесский музей.
- Домбровский О. И. 2014. Автобиография // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда.
- Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. 1975. Аю-Даг — «Святая гора» [Археологические памятники Крыма]. Симферополь: Таврия.
- Дьяков В. Н. 1941. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ 1, 14–20.
- Ейхкоф М. 2010. «Романтика 1001 ночи» за Восточным фронтом? Микроисторическое исследование раскопок СС-Аненербе в Соленом (Украина, 1943) // Археология 2, 108–114.

- Жебелев С. А. 1938. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ 3, 43–71.
- Зайцев Ю. П. 2004. История изучения Неаполя Скифского // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 36–40.
- Зайцев Ю. П. 2015. Начало. По страницам дневника П. Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 6–8.
- Зинич М. С. 1999. Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Отечественная история 4, 116–125.
- Зубарь В. М. 2009. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Симферополь: Б. и.
- Иванов Е. Э. 1912. Херсонес Таврический // ИТУАК 46, 170–174.
- Кашеварова Н. 2014. Діяльність Оперативного штабу Розенберга з вивчення нацистами «східного простору» (1940–1945). Київ: Інститут історії України НАНУ.
- Кизилов М. Б. 2015. Крымская Готия: история и судьба. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Клейн Л. С. 2010. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 1. М.: Ломоносовъ, 372–383.
- Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. 2004. От Скифии к Готии. Очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. — VII в. н. э.). Симферополь: Сонат.
- Красный Крым. 1945. 21 августа.
- Кропоткин В. В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА 28, 207–210.
- Кропоткин В. В. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА 100, 108–115.
- Кутайсов В. А. 1994. К 75-летию Эллы Исааковны Соломоник // Кутайсов В. А. (ред.). Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 3–6.
- Кутайсов В. А. 2014. Патриарх крымской советской археологии // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда, 12–33.
- Ламбин Н. П. 1874. О Тмутараканской Руси. Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // ЖМНП 1, 58–95.
- Ланцов С. Б. 2004. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н. э. // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 58–68.
- Ланцов С. Б., Шапцев М. С. 2015. Новые материалы к истории исследования греко-скифского городища Кара-Тобе из «Коктебельского» архива П. Н. Шульца // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 12–13.
- Леус П. М. 2008. Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Радюш О. А., Скворцов К. Н. (ред.) Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград: Янтарный сказ, 220–231.
- Ломакин Д. А. 2009а. Павел Наумович Надинский: типичный представитель партийной номенклатуры или ученый-краевед? // Література та культура Полісся 49. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 72–79.

- Ломакин Д. А. 2009б. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки 2(10), 10–17.
- Ломоносов М. В. 1766. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.
- Мавродин В. В. 1939. Образование русского национального государства. Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз.
- Мавродин В. В. 1941. Образование древнерусского государства. Л.: ЛГУ.
- Майко В. В. 2002. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Юрочкин В. Ю. (ред.). Православные древности Таврики. Киев: Стило-с, 133–145.
- Майко В. В. 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика.
- Марр Н. Я. 1933. Избранные работы в 5 томах. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР.
- Марр Н. Я. 1935. Избранные работы (том 5). Л.: Изд-во АН СССР.
- Марті Ю. Ю. 1926. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Государственный Керченский археологический музей.
- Махнева О. А. 1968. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Домбровский О. И. Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 155.
- Махнева О. А. 2004. Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Эвксинского. Симферополь: КФ ИА НАНУ, 241–243.
- Медведев И. П. 2006. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетейя.
- Мосина З. 1948. О работе Института истории Академии наук СССР // ВИ 11, 143–145.
- Мыц В. Л. 2001. О локализации Фулл и Фулльской епархии // Иваненко П. И. (ред.). 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 80–83.
- Надинский П. Н. 1947. Суворов в Крыму. Симферополь: Крымиздат.
- Надинский П. Н. 1948. Л. Н. Толстой в Крыму. Симферополь: Крымиздат.
- Непомнящий А. А. 2005. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Непомнящий А. А. 2012. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило-с.
- Павленко П. А. 1946. Урок истории // Советский Крым 2, 187–198.
- Первольф И. 1874. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб.
- Перченко Ф. Ф. 1995. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Куманев В. А. (ред.). Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 201–235.
- Петров В., Шамко Е. 1982. Восхождение к подвигу. Симферополь: Таврия.
- Піоро І. С. 1990. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія 4, 144–148.
- Платонова Н. И. 2013. Владислав Иосифович Равдоникас // Носов Е. Н. (ред.). Академическая археология на берегах Невы. СПб.: ИИМК РАН, 31–34.
- Президиум Отдела 1951. Крымский отдел Географического общества Союза ССР за пять лет его существования // Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР 1, 125–126.
- Против объективизма в исторической науке. 1948 // ВИ 12, 28–31.
- Равдоникас В. И. 1929. Пещерный город Эски-Кермен: готская проблема (Новейшие археологические исследования в Крыму) // Вестник знания 7, 13–16.
- Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК 7 (3–4).
- Равдоникас В. И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Известия ГАИМК 12, 5–106.

- [Равдоникас] 1937. О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // СА 3, 1–10.
- Репников Н. И. 1906. Некоторые могильники области крымских готв // Известия ИАК 19, 1–80.
- Репников Н. И. 1907. Некоторые могильники области крымских готв // ЗООИД 27, 101–148.
- Романько О. В. 2009. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944 гг.). Симферополь: Антиква.
- Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР.
- Рыбаков Б. А. 1952а. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат.
- Рыбаков Б. А. 1952б. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Крымиздат.
- Рыбаков Б. А. 1952в. Проблемы образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // ВИ 9, 42–51.
- Смекалова Т. Н. 2010. П. Н. Шульц — первооткрыватель археологических памятников Тарханкутского полуострова // МАК 3, 1–6.
- Соломоник Э. И. 1950. Раскопки Неаполя Скифского — столицы Скифского государства в Крыму [популярная лекция]. Симферополь: Крымиздат.
- Сталин И. В. 1950. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда, 20 июня.
- Стенограмма объединенной науч. сессии Отделения Истории и Философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая. 1952 г. Симферополь (машинопись, библиотека ИАК РАН).
- Стржелецкий С. Ф. 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 // СА 9, 281–301.
- Стрижова Т. П., Киселев М. Ю. 2015. «Крым с давних времена привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки». Документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив 1, 66–79.
- Тахтай А. К. 1948. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХС 4, 42–45.
- Тихонов В. В. 2016. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). СПб.: Нестор-История.
- Третьяков П. Н. 1941. Северные восточнославянские племена. Л.: Изд-во АН СССР (МИА 6).
- Третьяков П. Н. 1948. Восточно-славянские племена. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Третьяков П. Н. 1950. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании // ВИ 10, 3–18.
- Тунманн И. 1936. Крымское ханство. Пер. с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской; примеч., предисл. и приложения Н. Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР.
- Хапаев В. В. 2009. К истории изучения так называемой «записки греческого топарха» // Культура народов Причерноморья. 172 (2), 10–16.
- Харитонов С. В. 2004. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Художники на фронте. 2014. Переписка О. И. Домбровского с Б. Д. Сурисом // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда, 47–64.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус.
- Шевелев А. А. 1942. Готское государство в Крыму // Голос Крыма, 5 марта.
- Шестаков С. А. 2014. Керченский музей во время Великой Отечественной войны // Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. «Военно-исторические чтения» (17–19 февраля 2013 г.). Керчь: Бизнес-Информ, 236–240.

- Щеглов А. Н. 1984. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА 3, 285–287.
- Шульц П. Н. 1929. Портретная скульптура Антониновской эпохи // Античный портрет. Л.: Academia.
- Шульц П. Н. 1937. О работах Евпаторийской экспедиции // СА 3, 252–254.
- Шульц П. Н. 1940а. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК 5, 71–75.
- Шульц П. Н. 1940б. Каменные изваяния воинов из курганной группы «Чокрак» // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея Красной Армии 1. Л.: Гос. техн. изд-во машиностроит. лит., 36–44.
- Шульц П. Н. 1941. Евпаторийский район: 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 265–277.
- Шульц П. Н. 1946. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым 2, 97–116.
- Шульц П. Н. 1950. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950 гг.) // Крым 6, 145–157.
- Шульц П. Н. 1951. О статье П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Вопросы истории. № 10. 1950 г.). 12-го января 1951 г. Симферополь. Засед. Сектора истории и археологии (рукопись, НА ИАК РАН).
- Шульц П. Н. 2004. История исследования Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Эвксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 12–35.
- Шульц П. Н., Головкина В. А. 1951. Неаполь Скифский // Федоров Г. Б. (ред.). По следам древних культур. М: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 143–168.
- Щеколдин С. Г. 2009. О чем молчат львы. Крым. Алупка. 1941–1944. Симферополь: Нижняя Орианда.
- Эрнст Н. Л. 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // ИТОИАЭ 4, 72–92.
- Югов А. К. 1949. Родина Ахиллеса // Крым 3, 180–192.
- Югов А. К. 1975. Думы о русском слове. М.: Современник.
- Юргевич В. Н. 1886. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД 14, 5–11.
- Юрочкин В. Ю. 1999. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХС 10, 257–284.
- Юрочкин В. Ю. 2013. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Сорочан С. Б. (ред). *Byzantina Ukrainensis*. 2. Харьков: Майдан, 392–412.
- Юрочкин В. Ю. 2015. П. Н. Шульц в годы борьбы с «марризмом» // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 31–32.
- Юрочкин В. Ю. 2016а. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАК 4, 187–204.
- Юрочкин В. Ю. 2016б. Создание сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР // Ишин А. В. (ред). Мат-лы IV науч.-практ. конф. «Военно-исторические чтения» (24–27 февраля 2016 г.). Симферополь: Бизнес-Информ, 41–44.
- Юрочкин В. Ю. 2017. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ.
- Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. 2012. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след» // Науменко В. Е. (ред.). I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Междунар. науч. конф. (5–7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 73–75.
- Ravdonikas W. I. 1929a. Doros Feodoro, die Hauptstadt der Goten // Umschau in Wissenschaft und Technik 22, 22–23.

- Ravdonikas W. I.* 1929b. Die Hauptstadt der Goten in der Krim // *Wochebericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande* 5, 13–14, 25.
- Frauenfeld A. E.* 1942. Die Krim. Potsdam.
- Tomaschek W.* 1881. Die Goten in Taurien [Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nord-Asien]. Wien: Alfred Hölder.
- Loewe R.* 1896. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle: M. Niemeyer.
- Loewe R.* 1901. Jakob Ziegler über die Krimgoten // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 26, 561–568.
- Loewe R.* 1902/1903. Die Krimgotenfrage // *Indogermanische Forschungen* 13, 1–84. Wir kämpfen auf der Krim 1941/1942. Kertch-Sevastopol.
- Stampfuß R.* 1942. Germanen in der Ukraine // *Germanen Erbe* 7, 9, 10, 130–141.
- Yurochkin V.* 2014. The «Gothic Issue» in the Soviet Union // *Mordvintseva V. (ed.). Archaeological and Linguistic Research. Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol-Yalta, 20–23 September, 2012)*. Kyiv: Stilos, 57–65.